Проклятое наследство

Автор:
Татьяна Корсакова

Проклятое наследство

Татьяна Владимировна Корсакова

Тайна старого поместья #4

Анна Шумилина приехала на остров, чтобы разгадать тайну своих снов, а попала на дележ наследства. Словно стервятники, слетелись в старый дом наследнички, пытаясь отхватить себе кусок пожирнее. Но смерть повела с ними свою игру, подступая со всех сторон, увлекая за собой непрошеных гостей одного за другим. И самой Анне грозит нешуточная опасность, а в царящей вокруг суматохе невозможно разобраться, кто друг, а кто враг.

Татьяна Корсакова

Проклятое наследство

© Корсакова Т., 2017

© Оформление ООО «Издательство „Э“», 2017

Из сна Августа выдернули безжалостно: острыми крючьями впились в грудь, потянули. Не открывая глаз, он взвыл, попытался одновременно и сесть, и вырвать крючья. В руках забилось что-то мягкое и пушистое, зашипело возмущенно. Рябая кошка, то ли внучка, то ли и вовсе правнучка той, самой первой, подаренной Анечкой, сердито зыркнула желтыми глазищами, шмыгнула под лежак и уже оттуда завыла утробно и замогильно. Откуда в этом

тщедушном тельце брался такой мощный голос, понять Августу Бергу было не дано, как и то, что заставляет его мириться со скверным характером зверюги. Уж не албасты ли?

Албасты кошек любила. Всех, которые народились от той самой первой, рябой. И если бы Августу вздумалось от кошки избавиться, закончиться это могло бы очень скверно. За почти двадцать лет знакомства и сосуществования бок о бок они с албасты не то чтобы подружились – какая уж дружба с нежитью! – но притерлись, научились друг другу не мешать. Но Август знал: случись что, албасты предпочтет ему кошку.

– Да умолкни ты! – просипел он, заглядывая под лежак и одновременно пытаясь нашарить ботинок. – Что на тебя такое нашло?

– Не на нее нашло. – Привычно дохнуло холодом и сыростью, и из рассветного сумрака выступила албасты. – На остров. Нашествие… – Сказала и кончиком косы поманила затаившуюся кошку. – Если бы ты не пил, то знал бы.

Если бы не пил… Не получалось не пить. Пока Евдокия с ним оставалась, хорошо все было, расчудесно. Но Евдокия ушла, как Август ни умолял, как ни упрашивал.

– Нельзя мне, Август, тут долго. – Она гладила его по редким вихрам, и прикосновения ее прозрачных пальцев он чувствовал каждой клеточкой своего тела. – Заемная это жизнь, ты ведь понимаешь.

Он не понимал, не хотел ничего понимать.

– Я не справлюсь. – Своей ладонью он попытался накрыть ее ладони – не вышло. Да и раньше никогда не выходило. – Не выживу без тебя.

– Выживешь, не дури. – Голос ее сделался строгим, совсем как раньше, когда она была еще жива, когда он мог ее коснуться и почувствовать. – Ты сильный, я знаю. Ты только за мной не рвись, живи! Придет время – свидимся.

Вот только Август не хотел ни жить, ни дожидаться отведенного сроком времени, оттого и запил сразу, как только Евдокия ушла. Сначала пил с горя, потом от злости, что она его бросила, снова оставила одного, а потом просто по

привычке. Пил, почти не хмелея, не теряя ни сил, ни памяти, понимая тщетность своих усилий. Кольцо Тайбека, то самое, за которое кто другой многим бы пожертвовал, не давало ему опуститься на самое дно, покончить с нынешним никчемным существованием. Приходили к Августу трусливые мыслишки избавиться от кольца, бросить в озеро, да только понимал, что не получится, не хватит духу расстаться с подарком, потому что сила, которую дарило серебро, ему нравилась. Даром, что была она заемной, но в свои семьдесят с гаком чувствовал себя Август куда как лучше, чем те же двадцать лет назад. Даром, что выглядел никчемным стариком, но кровь в венах бурлила горячая, как у молодых. И с островом он справлялся один, без посторонней помощи. Никто из чернокаменских не хотел, боялись острова пуще прежнего. А Бергу-то чего бояться, когда он вон с самой страшной нежитью нынче на короткой ноге?

Албасты словно мысли его прочла, усмехнулась, обнажая бескровные десны и острые зубы, а потом нахмурилась. И кончик косы ее дернулся раздраженно, выманивая из-под лежака кошку.

– Чего пришла?

Жажда Августа не мучила, но он по привычке потянулся к ковшику с водой.

– Я пришла? – Албасты снова усмехнулась, подхватила на руки выбравшуюся на свет кошку, поскребла когтем по холке. Кошка – дьявольское отродье! – довольно заурчала. – Это не я пришла, старик, это они пришли.

– Кто – они? – Август распахнул окно, впуская внутрь злой солнечный свет, и тут же зажмурился.

– Это должно было случиться. Остров не может долго без людей. И озеро не может.

– А еще химера.

– Твое каменное детище? – Албасты приподняла одну бровь. – Ты тоже это почувствовал?

– Что я должен был почувствовать? – Правду Август знал, но признаваться себе не хотел, пусть уж лучше албасты сама скажет.

– Она проснулась – твоя химера. Или вот-вот проснется. Соскучился, старик?

Соскучился ли он? А пожалуй, и так! Как всякий родитель, всех своих детей он любил одинаково, даже тех, кто уродством и черной сутью своей скорее отпугивал, чем привлекал. Так уж получилось, что замок, который в душе Август продолжал звать химерой, тоже был его ребенком, пусть жестоким и непредсказуемым, жадным до человеческой крови, но уж какой есть… Берг скучал по тому особенному ощущению, которое пронизывало все его существо, когда ладони касались черных, шершавых стен. Каменная химера вздыхала, приветствуя своего родителя, и по чешуйчатой шкуре ее пробегала едва различимая дрожь. Так было раньше, семнадцать лет назад. Но той страшной ночью замок насытился пролившейся в его стенах кровью, надышался разлитым в воздухе ужасом, захмелел и уснул глубоким, беспробудным сном. Августу хотелось думать, что беспробудным, все же кровожадности своего детища он стыдился, но и скучал по нему в то же время. Значит, проснулась…

– Разбудили. – Албасты ответила на невысказанный вопрос. – Люди.

– Люди?..

– Пока ты пил и пьяным под лавкой валялся. – Порой она говорила как самая обыкновенная женщина, как сварливая жена, и Августа это удивляло, а иной раз даже умиляло. – На острове и в городе скоро многое изменится. То, чего вы с Евдокией боялись, неминуемо случится.

Неминуемо… А так хотелось, чтобы пронесло, чтобы тишина и прозябание, чтобы унылая старость и скука. Выходит, не получится ни скуки, ни прозябания.

– Кто? – спросил Август и плеснул из ковшика себе в лицо. Капли воды попали на кошку, и та снова утробно зарычала.

– Пришлые. Пока только один, но чую, будет больше. Многим больше.

– А он?

– Нет. – Албасты покачала головой.

– Хорошо. – Август утер лицо несвежим рушником, недобро, как на злейшего врага, взглянул на кошку, которая принялась демонстративно вылизывать свою рябую шерсть.

– А она?

Прежде чем ответить, албасты посмотрела на него долгим взглядом. Сколько лет они знакомы, а взгляд этот вынести еще попробуй. Иной бы, наверное, с ума сошел, но Август особенный. Пусть никто об этой его особенности и не догадывается.

– Нет. – Албасты наконец отвела взгляд, покачала головой. – Я бы почувствовала.

А вот Берг ничегошеньки почувствовать не в силах, даже появление на Стражевом Камне чужаков пропустил. Захотелось снова напиться, закрыться от любых перемен.

– Не выйдет. – Албасты бережно поставила кошку на пол, напоследок почесала за ухом. – От себя не уйдешь.

– А от тебя?

– Все, что на этом острове творится, тебя касается. Ты теперь хранитель.

Хранитель… Насмешила нежить! Какой из него хранитель?! Что ему хранить?! Всех, кого любил, потерял, схоронил, а кого не схоронил, тому своими собственными руками дорогу на остров закрыл. Чтобы не потерять, не хоронить раньше сроку… Да разве ж албасты переубедишь?

Хотел сказать что-нибудь злое, но не успел – в дверь громко постучали. Чужак – свои так бесцеремонно себя не ведут, не являются незваными гостями.

– Эй, ау! Есть кто живой?! – А голос зычный, сразу понятно, что у того, кто кричит, глотка луженая. – Мастер Берг, вы дома?!

Албасты посмотрела на Августа многозначительно, отступила в сумрак, с сумраком этим сливаясь, а он подошел к содрогающейся от стука двери, постоял в раздумьях и с неохотой отодвинул запор.

На пороге стоял человечек неожиданно хрупкой комплекции для обладателя такого густого голоса. Невысокий, весь какой-то лощеный, прилизанный, в шерстяном костюме и в круглых очочках, из-за которых не разглядеть глаз.

– Мастер Берг? – Человечек церемонно снял с головы шляпу и так же церемонно поклонился Августу. Очочки хищно сверкнули. Или это была всего лишь оптическая иллюзия?

– С кем имею честь? – Впускать незнакомца внутрь Август не спешил, стоял, закрывая собой дверной проем, почесывал живот.

– Викентий Иванович Пилипейко, – отрекомендовался человечек, так и норовя заглянуть Августу за плечо. – Поверенный Матрены Павловны Кутасовой, – добавил многозначительно. – Слыхали про такую?

– Фамилия в наших краях известная, – Август кивнул, – громкая фамилия. С Саввой Кутасовым, помнится, мы были на короткой ноге. До тех пор пока он в тайге не сгинул.

– Прискорбный, весьма прискорбный случай, – поверенный Пилипейко вздохнул, но скорби в его голосе Август не услышал, скорее нетерпение. – Так вот, Матрена Павловна его родственница.

– Надо полагать, не самая близкая. – Август зевнул.

– Супруга его старшего брата, ныне покойного. И тетушка Марии Саввичны Злотниковой, в девичестве Кутасовой…

– Ныне тоже покойной, – не слишком дружелюбно оборвал его Август. – От меня вам что надобно?

– Так ключи, мастер Берг. – Поверенный Пилипейко нисколько не смутился. – В городе мне сказали, что ключи я могу найти у вас, что вы в некотором роде

хранитель здешнего… – он прищелкнул пальцами, подбирая нужное слово, – замка.

Август поморщился, уже второй раз за утро его назвали хранителем.

– Так вот, – поверенный потер сухонькие ладошки и сделался похож на паука, – мне бы хотелось ключи эти получить.

– На каком таком основании? – полюбопытствовал Август.

– А вот извольте! – Из внутреннего кармана пиджака Пилипейко извлек какую-то бумажку, сунул ее Августу под нос. – Все по закону, смею вас заверить! Матрена Павловна – законная наследница…

– Чего наследница?

– Всего… то есть не всего, но многого. Да там, в документе, написано. Прочтите, если сомневаетесь.

Август прочел, но из юридических хитросплетений понял только одно: Матрена Кутасова имеет право на часть злотниковских миллионов и замка. Вот и объявились наследнички! А он уже и ждать перестал. Зря, выходит, надеялся.

– Так что у нас с ключами? – спросил поверенный уже вполне панибратским тоном и снова заглянул Августу за плечо. – Позволите? Маяк, знаете ли, это тоже имущество. Если вы понимаете, о чем я.

Август понимал, очень хорошо понимал. Не зря волновалась Евдокия, не зря уговаривала его держаться, не пить, оставаться в здравом уме и твердой памяти. Пить-то он все равно пил, но вот с умом и памятью у него, слава богу, полный порядок. И того и другого хватает, чтобы понять, чем грозит ему немилость новых хозяев. А потому вместо ответа Август широко улыбнулся и гостеприимно распахнул перед незваным гостем дверь.

Внутрь Пилипейко проскользнул ужом, остановился перед захламленным столом, повел носом, сказал с мягким укором:

– Что ж у вас тут так не прибрано, мастер Берг?

– Так гостей не ждал, господин поверенный. Вы ж без предупреждения ко мне явились.

– Надеюсь, в замке порядка поболе будет. – Брезгливо, двумя пальцами, Пилипейко взял со стола один из набросков Августа, поднес к глазам, наморщил нос, всматриваясь. – Презанятная картинка, – хмыкнул и вернул набросок на прежнее место. – Я слышал, вы в прошлом известный архитектор, – сказал не без злого умысла, с явным желанием уязвить.

– Отчего же в прошлом? – Не знал Пилипейко, что уязвить Августа нынче совсем непросто. – Я и сейчас. Заказы до сих пор принимаю.

А вот тут Берг душой покривил. Давненько уже не было у него никаких заказов, а наброски эти так… больше для души, чтобы окончательно не выстудилась. Пилипейко ему не поверил, но покивал, соглашаясь.

– Холодно тут у вас, однако, – сказал и пиджак застегнул на все пуговицы.

Оттого и холодно, что албасты, нежить любопытная, никуда не ушла, стоит прямо за управляющим, а коса ее зависла над его плешивой макушкой. Хоть бы не коснулась, не нужны Августу тут мертвецы. Впрочем, ему и живые тут не особо нужны.

– Озеро рядом, сыро. – Август пожал плечами.

– И в замке такая же сырость? – поинтересовался Пилипейко деловым и одновременно озабоченным тоном.

– Не знаю, давненько я в замок не заглядывал.

– А я вот, знаете ли, попытался и нарвался на сущее чудовище.

– Это вы не на чудовище нарвались, а на Григория. Живет он при замке, присматривает.

– Что ж вы, мастер Берг, присматривать за чужим имуществом поставили юродивого? – В голосе поверенного прорезались недовольные нотки, и кончик косы албасты описал над его головой восьмерку.

– А никто больше не согласился. – Может, еще удастся отговорить, напугать страшными рассказами? – Место здесь, знаете ли, особенное. Жуткое место.

– Слыхал. – Пилипейко кивнул, и кончик косы едва не задел его макушку. – Даже читал полицейские отчеты. Очень познавательная история.

– Познавательная? – Август, считавший себя ко всему привычным, опешил. – С полсотни смертей, кровища рекой, Злотников, обезглавленный неведомой тварью в собственном доме. Это, по-вашему, всего лишь познавательная история?

– Про неведомую тварь я с вами не соглашусь. Достоверно установлено, что виновником всего случившегося был волк-людоед. Но вреда та история принесла немало. Из-за россказней и человеческой дремучести так и не удалось продать имущество.

– Замок, что ли?

– И замок в том числе. Не мне вам рассказывать, сколько все это, – Пилипейко сделал широкий жест руками, словно пытался обнять башню, – на самом деле стоит, какие деньжищи во все это вложены. – По голосу его было совершенно ясно, что подобное расточительство господину поверенному чуждо, что он сам распорядился бы деньгами куда как рассудительнее.

– Не надо рассказывать. Все, что есть на острове, мною построено.

– Значит, вы сами все прекрасно понимаете и, надеюсь, – Пилипейко поежился, – сумеете быть полезным.

– Кому, позвольте полюбопытствовать?

– Матрене Павловне, наследнице.

– Единственной?

Пилипейко посмотрел на Августа поверх очков внимательным взглядом. Цвет глаз у него оказался невыразительный, блекло-серый.

– Не об том вы заботитесь, мастер Берг, – сказал он и не удержался-таки, обернулся. Албасты к тому времени уже исчезла, оставила вместо себя кошку. – Вам заботиться надобно об том, чтобы Матрена Павловна не сочла ваше присутствие на острове неуместным. А решение ее во многом будет зависеть от того, как я вас представлю.

Тем временем кошка, и без того имевшая скверный характер, и вовсе распоясалась, без единого звука вцепилась когтями в ногу поверенного. Остроту ее когтей Август уже изведал на собственной шкуре и взвывшему от боли Пилипейко даже слегка посочувствовал, бросился на помощь со всем усердием, попытался вызволить гостя от кошачьих объятий, но, видно, перестарался, крик Пилипейко сделался еще громче, еще отчаяннее. Наконец у них получилось, кошка безмолвной тенью юркнула под лежак и там затаилась, только глазюки зыркали недобро.

– Что за тварь тут у вас?.. – Пилипейко поддернул штанину, носовым платком принялся вытирать в кровь разодранную ногу.

– Тварь и есть, – искренне согласился с ним Август. – Самая настоящая тварь. Меня давеча тоже… – Он задрал рубаху, демонстрируя следы от кошачьих когтей.

– На живодерню… шкуру содрать… – прошипел Пилипейко и одернул штанину. Вид у него был такой, что стало ясно: его б воля – Берг бы тоже оказался на живодерне, вслед за кошкой.

– Вас, господин поверенный, надо думать, следует проводить в замок? – самым невинным тоном спросил Август, носком ботинка отпихивая тянущийся к Пилипейко кончик седой косы. Значит, не ушла албасты, видела, как обижают ее любимицу. Ну-ну…

– Проводите. Уж будьте так любезны! – Настроение Пилипейко испортилось окончательно, и вся его недавняя любезность исчезла без следа. – Я должен

осмотреться, своими собственными глазами убедиться… – В чем убедиться, договаривать не стал, развернулся на каблуках и, не дожидаясь Августа, вышел из башни.

…А химера и в самом деле проснулась! Август почувствовал это сразу, как только увидел очертания замка. Еще не пришла окончательно в себя, но из сетей сна уже почти выпуталась. Кроме этого чувствовал он и еще кое-что – голод, от химеры исходящий. Голод и нетерпение. Заныло сердце, и впервые за многие годы Август Берг подумал, что уже немолод, что в глазах посторонних, таких вот, как Пилипейко, выглядит немощным стариком. В этот момент он и чувствовал себя стариком, несчастным отцом, породившим на свет божий чудовище и неспособным чудовище это разлюбить.

Пилипейко же смотрел на замок с выражением одновременно раздраженным и задумчивым. Наверное, просчитывал, удастся ли поместье продать. Не удастся! Это Август знал наверняка. Остров сам выбирает себе и хозяев, и жертв. Так уж тут повелось. А что хозяева могут в любой момент стать жертвами… Так силой на Стражевой Камень никого не тащат, все приплывают добровольно. Или думают, что добровольно.

А замок почти не изменился, разве что стал еще мрачнее, еще чернее. Разве что кусты, высаженные перед его парадным входом, одичали, некогда великолепные клумбы поросли бурьяном, а саженцы деревьев вымахали до неба. Двери замка были закрыты, и Август направился в обход, к черному ходу. Здесь, со стороны озера, изменения, произошедшие с замком, были практически незаметны. Картину, оставшуюся в памяти, омрачали лишь почерневшие от времени и сырости, кое-где сгнившие доски пристани. Восточная башня по-прежнему нависала над черной, с серебряным проблеском водой, а каменные горгульи сонно всматривались в свои отражения, делая вид, что им нет никакого дела до людей. Дело было, Август чувствовал это шкурой. Замок следил за чужаками не только глазами горгулий, но и провалами давно немытых окон. Впрочем, следил не только замок.

– Григорий, выходи! – позвал Август. – Я же знаю, ты нас видишь! Выходи, кому говорю!

Ждать пришлось долго, Август уже подумал было, что Гришки в замке нет, как дверь черного хода с пронзительным скрипом приоткрылась. В появившуюся щель протиснулось крупное косматое существо. Юродивого в этом существе

Август признал лишь по рыжим, с изрядной долей седины волосам. Подумалось вдруг, что сам он, безотлучно находясь на острове, совсем не проявлял интереса ни к замку, ни к поселившемуся в нем Гришке. Такой вот никудышный из него получился хранитель.

А юродивый тем временем подходил к ним коротким, семенящим шагом. На Августа он смотрел с радостью, на поверенного Пилипейко с неприязнью.

– Ну, как ты тут, мил-человек? – Август с опаской похлопал Гришку по плечу. – Затосковал, поди? А я вот привел… – Он указал подбородком на поверенного. – Человека, новым хозяином присланного.

– Хозяйкой, – поправил Пилипейко и отступил на шаг, спрятался за спиной Августа.

– Он проснулся, – сказал Гришка и посмотрел на свою обмотанную грязными тряпками руку. – Последнее-то время он плохо спал, тревожно, а теперь вот совсем…

– С рукой что у тебя, Григорий? – спросил Август, уже заранее зная ответ.

– Поранился. – Гришка равнодушно пожал плечами. – Крови много было, пахло дурно. А ему понравилось, он, как кровь почуял, так и заворочался.

– Что он говорит, этот ваш ненормальный? – На Гришку Пилипейко старался не смотреть и обращался исключительно к Августу.

– Он говорит, что от пролитой крови замок проснулся.

– Замок?..

– Это необычный остров, и все постройки на нем тоже очень особенные. Уж можете мне поверить.

– Да я уже понял, что тут у вас все с придурью! – Пилипейко по большой дуге обошел Гришку, направился к двери черного хода. – Мне сейчас важно убедиться, что с имуществом все в порядке.

– С каким имуществом? – притворно удивился Август. – Помнится, семнадцать лет назад все ценное из дома вывезли. Вот ваша Матрена Павловна, надо полагать, и вывезла.

– Матрена Павловна тогда была на сносях и в авантюры с наследством не вмешивалась.

– Ну, значит, кто-то из других наследников вывез. – Август старался идти быстро, чтобы не отстать от поверенного. – Помнится, народ разный тогда на остров приплывал. Домом тоже, кажется, интересовались, да я не вникал, мне без надобности.

– Вот и плохо, что вам все без надобности! – сказал Пилипейко сварливо и нырнул в темный проем двери. – Всем все без надобности, а мне теперь как прикажете быть?

– Да откуда ж мне знать, как вам теперь быть? – Август сделал глубокий вдох и вошел в дом. Гришка остался верным псом сторожить снаружи. – Как-нибудь да решится все…

Внутри пахло пылью и, кажется, кровью. Впрочем, кровью вряд ли. После той страшной ночи замок отмыли и вычистили. Август хорошо помнил, как Гришка таскал из колодца воду и лил на окровавленную брусчатку, помнил, как стекали к озеру розовые ручейки, и как сыто вздыхала каменная химера. Она и сейчас вздыхала, но уже от голода. Август приложил ладонь к стене, прислушиваясь.

– Тлен и запустение, – бормотал меж тем Пилипейко, и гулкое эхо шагов его разносилось по замку. – Панели дубовые, вы только поглядите, жучок поточил! Гобелен вон от сырости почти истлел. Отчего ж гобелен не забрали?! – продолжал он возмущаться.

Август подошел к рыцарским доспехам, коснулся потускневшего шлема, стер с пальцев паутину. Тлен и запустение…

Мебель, та, которую не увезли семнадцать лет назад, была заботливо укрыта холщовыми чехлами, под которые Пилипейко не преминул заглянуть, удостовериться. Крышку клавесина, по всей видимости, никому не нужного, он

поднял полным раздражения жестом, пробежался по клавишам, вырывая из деревянного нутра тихий стон. Август вздрогнул, вспоминая, как некогда клавесин этот терзали неловкие пальцы пани Вершинской. От воспоминаний сделалось немного дурно. Захотелось на воздух, прочь из замка, но не вышло. Поверенный деловито сновал из комнаты в комнату, раскрывал дверцы шкафов, выдвигал ящики комодов, бормотал что-то себе под нос, делал заметки в записной книжке, качал головой и искал что-то, искал. Август уже начал опасаться, что с этаким-то рвением Пилипейко того и гляди отыщет потайную дверь, но обошлось, к каморке, заваленной старой рухлядью, поверенный не проявил никакого интереса. Зато в кабинете Злотникова задержался надолго. Пожалуй, кабинет был единственной комнатой в доме, которая почти не подверглась разграблению, все здесь оставалось как при прежнем хозяине: и антикварное кресло, и массивный стол, на выцветшем сукне которого расцветала уродливая бурая клякса – напоминание о бесславной кончине здешнего хозяина. На кляксу Пилипейко посмотрел без страха, скорее уж с раздражением, а потом деловито сказал:

– Такую хорошую вещь испортили. Ну ничего, распоряжусь, чтобы перетянули. Станет как новенький.

– Здесь злотниковская голова лежала, – Август указал пальцем в центр кляксы, – аккурат в этом самом месте. Считаете, перетяжка поможет?

– А вы что же, прикажете антикварный стол выбросить на помойку? – Изумление Пилипейко было искренним. – Подумаешь, кровь! Мало ли где какая кровь пролилась. Так нам теперь что же, по земле не ходить?

– Отчего же не ходить? Ходите себе сколько угодно. – Август перевел взгляд на угол комнаты. С обоев отмыть кровь тоже не удалось, и бурые капли сложились в рисунок, в котором при изрядной фантазии можно было разглядеть волчью морду. Да и потолочная лепнина, утратившая позолоту, демонстрировала миру все те же удручающие кровавые следы.

– Обои мы переклеим. – Пилипейко задумчиво поскреб острый подбородок. – Потолки побелим. А вот с ковром, пожалуй, придется расстаться.

Ковер тоже был запятнан кровью, на некогда молочно-белой его основе отчетливо виднелся волчий след. Оборотень замарался в злотниковской крови.

Семнадцать лет назад. Нет уже ни Злотникова, ни оборотня, а след вот он – испортил дорогой ковер.

– Или все-таки попробуем очистить? – продолжал рассуждать Пилипейко. – Уксусом или чем там еще кровь выводят?

На Августа он посмотрел почти с мольбой, так жалко ему было расставаться с персидским ковром.

– Не знаю, господин поверенный. – Мастер Берг пожал плечами. – Надо у людей порасспрашивать, может, и удастся очистить. Никто ж не пытался.

– Вот именно, никто не пытался! Столько добра целых семнадцать лет пропадало! Как посмотрю на все это, так сердце кровью обливается от такой-то бесхозяйственности.

– Но теперь-то хозяин объявился? – осторожно поинтересовался Август.

– Не хозяин, – Пилипейко раздраженно дернул подбородком, – не хозяин, а хозяева. Наследнички вдруг все как один вспомнили про Стражевой Камень. Всем сюда захотелось, хоть одним глазком взглянуть.

– На что?

– На все! Наследство-то поделили еще семнадцать лет назад, а про поместье забыли. Кому нужен замок на острове да в этакой глуши?! – сокрушался Пилипейко искренне. Было ясно, что уж он бы имуществом распорядился с умом. Разобрал бы замок по камешкам, а камешки бы продал. Отмыл бы от крови, как персидский ковер, и продал. Но наследники, кто бы они ни были, разбирать замок по камешкам не собирались, они собирались здесь поселиться. Все скопом… Кстати, любопытно было бы узнать, сколько их – этих наследников.

– А их много? – спросил Август, носком ботинка поправляя задравшийся угол ковра.

– Кого? – Пилипейко думал уже о чем-то своем, что-то прикидывал в уме, просчитывал.

– Наследников.

– Более чем достаточно.

– А вот мне думалось, что наследник должен был быть один-единственный, – сказал Август и сощурился.

– Это вы про бастарда? – Пилипейко посмотрел на него сквозь стекла очочков, недобро, надо сказать, посмотрел.

– Про мальчика, – Август кивнул. – И не бастард он вовсе, Злотников в нем сына признал вполне официально. Так отчего же наследников много, коли должен быть один?

– Нет мальчика. – Пилипейко раздраженно дернул плечом. – Прискорбное обстоятельство.

Прискорбное обстоятельство… То, о чем думать не хотелось, о чем Август старался забыть, снова вернулось в его жизнь. Да не само вернулось – он позвал, вопросами своими неудобными накликал. Снова заныло сердце, напоминая о возрасте, о потерянных, точно во сне проведенных последних семнадцати годах.

– Не скажу, что появление бастарда, – Ильку поверенный даже сейчас отказывался признавать законным сыном Злотникова, – обрадовало остальных наследников, но закон есть закон. И поступили бы тогда по закону.

– Если бы не прискорбное обстоятельство… – Август потер грудь, проверяя, а бьется ли вообще его сердце, не превратилось ли в серебро, как то, что спрятано в пещере под маяком. Сердце билось, ухало гулко, с эхом, которое болью отдавалось в висках.

– Так и есть. – Пилипейко кивнул. – Не оказалось наследника. Сначала-то его и не искал никто. Кто ж знал, что из своего заграничного вояжа господин Злотников вернется с незаконнорожденным сыном?

– Он признал мальчика, – повторил Август, прислушиваясь к эху в висках.

– Признал, да только остальных о решении своем не оповестил. Конечно, понять его можно, кто же думал, что случится этакое несчастье! Все мы, знаете ли, рассчитываем на жизнь долгую и счастливую.

Август не рассчитывал, но промолчал.

– Правда о ребенке вскрылась, лишь когда пришла пора оглашать завещание. Вот это, скажу я вам, было потрясение. Матрена Павловна, бедняжка, чуть раньше срока не родила.

– С мальчиком что? – перебил поверенного Август. Получилось грубо, но Пилипейко, увлеченный воспоминаниями о давней несправедливости, грубости этой не заметил.

– Решилось все наилучшим образом, – сказал он сухо. – То есть трагично для ребенка, но весьма оптимистично для остальных наследников. – Мальчик погиб.

Погиб мальчик… Был Илька и не стало. И в его, Августа, жизни стало одним мальчиком меньше. Скольких он уже потерял? Не хочется и вспоминать.

– Пожар, знаете ли. – Пилипейко смахнул пыль с медного глобуса, некогда служившего Злотникову потайным баром. – Лето тогда выдалось очень жарким. Может, уголек какой из печи выпал, может, искра вылетела, сейчас уже и не узнаешь. Вот только когда огонь погасили, спасать было уже некого, от мальчика и матери его остались одни головешки.

– Головешки… – Август опустился прямо в то самое кресло, в котором нашли обезглавленного Злотникова. – И мальчик там точно был?

Зачем спрашивать, ведь и сам он все прекрасно знает, и дня не проходит, чтобы не вспомнилось то страшное утро. Обгоревшие тела, одно детское, одно взрослое, он видел своими собственными глазами. Головешки… Маленький мальчик и молодая женщина.

…Недоброе почувствовала Евдокия. Тогда она еще была рядом с Августом, каждый день прощалась, но не уходила, словно ждала чего-то. Или боялась…

Наверное, все-таки боялась. Сам-то Август, ослепленный своим недолгим, заимствованным счастьем, боялся только одного, того, что Евдокия его покинет. Не оттого ли, когда любимая жена сказала, что им следует обсудить кое-что очень важное, прикинулся глухим, так не хотелось ему слышать последние, прощальные слова. Но Евдокия хотела поговорить не о предстоящем расставании, а об Ильке. Августу тогда, помнится, подумалось – и что о нем говорить, вернулся мальчонка к матери, избавился от отца-тирана, повезло. Вот только не повезло. По крайней мере, Евдокия так не считала, Евдокия считала, что над Илькой нависла угроза. Смертельная угроза.

– Езжайте, – сказала она требовательно. – Возьми с собой Кайсы и поезжайте к нему.

Как Август мог от нее уехать?! Как мог оставить ради какого-то мальчика, пусть бы даже и Ильки?!

– Зачем? – спросил он, уже понимая, что спорить с Евдокией не станет. После смерти характер у нее остался прежний – железный. Если что решила, не переупрямить. – Зачем нам к нему?

– Защитить. – Евдокия поежилась, словно ей, мертвой, вдруг стало холодно. – Поезжайте, Август. Даст бог, еще успеете.

Они не успели. По клубам черного дыма, поднимавшегося над деревней, поняли – случилось что-то плохое. Никогда не был пожар вестником хорошего. Теперь только бы не с Илькой приключилась беда. С кем угодно другим, только бы не с ним. Или если уж с ним, то чтобы живой, пусть раненый, покалеченный, но живой. Полозова кровь сделала бы свое дело, поставила бы мальчика на ноги. Если бы пришлось, Август кольцо, подаренное Тайбеком, переплавил.

Не пришлось… Горел тот самый дом. Словно человек, стонал, корчился в огне, а стоящие в стороне люди ничем не могли ему помочь, не решались даже приблизиться, не пытались сбить пламя, не пытались спасти тех, кто мог оказаться внутри, потому как жар… Нестерпимый, опаляющий даже на таком расстоянии. А Август попытался. Что на него тогда нашло, какая такая безрассудная удаль?! Кайсы пришлось удерживать его силой, а потом и ударить, чтобы в себя пришел. Ударил, оттащил подальше от людей.

– Да погоди ты, – шептал Кайсы ему на ухо, держа при этом крепко-крепко, – погоди, Август! Может, и нет там никого? Утро же! В деревне рано встают, у всех дела.

Утро. Рассветные росы, которых мало, чтобы победить огонь, туман, который слабее и беспомощнее черных клубов дыма. Вот и они не успели, не уберегли…

Пожар удалось потушить лишь ближе к обеду. Не оттого ли, что тушить никто не пытался? Кому нужна одинокая женщина с байстрюком, не пойми от кого прижитым? Своя рубашка ближе к телу. Дом умер, вздохнул последний раз и осел, просыпался черными костями прогоревших стрех, с укором глянул на людей сквозь закоптившиеся, полопавшиеся стекла окон и умер, похоронив под собой еще двоих – женщину и маленького мальчика.

Тела нашли уже вечером, когда опоздавший, как и Берг с Кайсы, ливень накрыл деревню серой непроглядной пеленой, загасил пожарище, прибил к земле жирный смрад гари. Они лежали ничком. Головешки…

– …Сгорели и мальчик, и та женщина, – из страшных воспоминаний Августа выдернул скрипучий голос Пилипейко.

– Очень удобно… – Август положил ладони на подлокотники и, почувствовав под пальцами борозды от волчьих когтей, содрогнулся.

– Не понимаю вас, мастер Берг, – голос поверенного сделался подозрительным.

– Кресло, говорю, очень удобное. – Август убрал руки с подлокотников. – Только тоже испорченное.

– Отремонтирую. Все здесь до ума доведу. – Подозрительность уступила место деловитой озабоченности. – Если, конечно, мне представится такая возможность.

– Отчего же не представится, господин поверенный? – спросил Август, выбираясь из кресла. В волосах его, кажется, запутался принесенный из воспоминаний запах гари. Замутило, и эхо в голове сделалось громче, требовательнее.

– Оттого, что хозяина всему этому… – Пилипейко сделал неопределенный жест рукой, – нету. А когда хозяина нету, так и порядка тоже никакого нету. Много лет назад наследники не смогли поделить поместье. Как думаете, сейчас им это удастся? – Он по-птичьи наклонил голову, посмотрел на Августа так, словно это по его вине замок по-прежнему оставался бесхозным.

– А как же Матрена Павловна? – спросил Август с наивной улыбкой. – Вы же сказали, она собирается прибыть на остров.

– Матрена Павловна собирается. – Пилипейко кивнул. – И дети ее, Всеволод Петрович и Натали… – он вдруг запнулся и густо покраснел, – Наталья Петровна. А еще супруг нынешний, замест покойного. – Имя нынешнего супруга Матрены Павловны так и осталось неозвученным. Видно, человека этого поверенный к членам благородного семейства причислять не спешил. – Если бы только они, так и голова бы моя ни об чем не болела, но будут и другие…

– Наследники? – уточнил Август.

– Да какие там наследники?! – вполне искренне возмутился Пилипейко. – Прихлебатели! Но много их, чертовски много! Как ни бился я семнадцать лет назад за наследство, как ни отстаивал интересы Матрены Павловны и деток, ничего поделать не сумел. Фемида, знаете ли, слепа! И наследственное право в нашем государстве несовершенно! Оттого часть наследства и досталась всяким… – Он презрительно поморщился.

– Помнится, у Мари Злотниковой было много родственников, – Август сочувственно покивал. Думал он сейчас о другом, как избавиться от запаха гари и от воспоминаний, как отделаться от ответственности, которую так не хотел на себя брать, но все равно взял. Но Praemonitus, praemunitus[1 - Предупрежден – значит вооружен. (лат.).]. Если Черная Химера проснулась, жди беды. Затевается что-то недоброе. И дар предвидения не требовался, чтобы это понять. – На похороны ее отца, почитай, половина Перми съехалась.

– Половина Перми! – презрительно хмыкнул Пилипейко. – Голытьба и аферисты! Вот взять хотя бы Антона Кутасова! От истинного кутасовского рода там одна только фамилия и осталась. Мелкий, ничтожный человечишка!

– Уж не про Антона ли Сидоровича вы сейчас говорите? – спросил Август. – Это ведь Саввы Сидоровича брат?

– Сводный брат, от второго брака! Седьмая вода на киселе, а туда же.

Август уже хотел было сказать, что невестка Матрена Павловна – куда менее значимый родственник, чем сводный брат, но вовремя прикусил язык, давая Пилипейко возможность выговориться, излить праведный гнев.

– Мало того, что сам явится, так еще и женушку свою собирается привезти, а репутация у этой женушки я вам скажу… – Поверенный закатил глаза к потолку. – Актрисулька, представляете?! Играла в каком-то заштатном театре.

– Служила… – поправил Август.

– Что, простите?

– Не играла, а служила. В театре служат.

– Плевать! – Пилипейко взмахнул рукой. – Играла она или служила, суть от этого нисколько не меняется. Замуж за этого прохиндея она знаете когда вышла? – Он сделал многозначительную паузу.

– Когда же? – вежливо поинтересовался Август.

– А тогда, когда на него вдруг злотниковские миллионы свалились. До этого-то времени наша мадемуазель Коти его даже и не замечала. А как про миллионы прознала, так и приключилась у ней великая любовь! – Августу показалось, что от отвращения Пилипейко сейчас сплюнет себе под ноги. Не сплюнул, видно, пожалел персидский ковер, который есть еще надежда отчистить. – А как вам имечко? Мадемуазель Коти! Сейчас-то она уже мадам Екатерина Кутасова, а раньше, еще до подмостков, помнится, и на Катьку отзывалась. Ребенка бог весть от кого прижила, а на несчастного дурачка Кутасова все заботы о нем повесила.

Поверенный говорил с жаром, с азартом, достойным лучшего применения, и из речей его Август сделал вывод, что подноготную остальных наследников он

знает досконально, изучал, собирал, лелеял в надежде, что когда-нибудь да пригодятся собранные сведения. Надо думать, пригодились.

– А Серж, сынок ее, такой же никчемный, что Антон Кутасов. Слыхал, картишками балуется, да только игрок из него никудышный, в долгах как в шелках. Долги сыновьи по первости Катька оплачивала, да только за Сержа аппетитами еще попробуй поспей, никаких миллионов не хватит. Зато красив шельма, весь в мать! – В желчной речи поверенного промелькнула, но тут же исчезла завистливая нотка. Видно, шельмец Серж и в самом деле был дьявольски хорош собой. Но было и еще что-то, что заставляло Пилипейко злиться и волноваться, вот только что это, Август понять пока не сумел. Как и причину того, что спустя столько лет все эти люди, наследники, вдруг решили собраться на острове.

– Еще какие-то гости ожидаются? – спросил он с вежливым интересом. – Или закончились наследники?

– Если бы! – Пилипейко подошел к окну, провел пальцем по пыльному, давным-давно немытому стеклу, поморщился. – Баронесса фон Дорф обещалась быть. Из самой Вены прибудет.

– Баронесса? – Не припоминал Август в кутасовском роду никаких баронесс. Память, что ли, подводит?

– Агата Дмитриевна фон Дорф, Мари Кутасовой тетка, – объяснил поверенный, – по материнской линии. Еще будучи совсем юной барышней, вышла замуж за какого-то прусского барона. Пруссак тот, по слухам, был гол как сокол, полагался исключительно на любовь Агаты Дмитриевны, ну и на ее приданое, знамо дело. Приданое, говорят, прокутил за пару лет, закончил плохо, застрелили на дуэли. Дуэль, кстати, из-за прекрасной дамы. Стоит ли говорить, что не из-за законной супруги?

Август пожал плечами, выражая полную свою несостоятельность в делах семейных.

– Из-за любовницы, молодой профурсетки навроде мадемуазель Коти. – Пилипейко снова презрительно поморщился. – Вот так и осталась Агата Дмитриевна на чужбине без гроша в кармане, но при титуле.

– И как же она без гроша в кармане? – удивился Август.

– Надо думать, как-то устроилась, ежели в Россию не вернулась. Кстати, господин Злотников с супругой во время своего вояжа по Европе тетушку навещали, тому есть документальное подтверждение. Очень уж покойному нравился ее титул, если вы понимаете, о чем я.

Август понимал. Злотников был из тех людей, что дорвавшись до власти и денег, желают непременно богатство свое выпятить, подкрепить всякой малозначительной мишурой навроде титулов. Неудивительно, что промышленник проявил интерес к бедной австрийской родственнице. А что двигало Мари Кутасовой, теперь уже никогда не узнать, но Август сомневался, что это была искренняя привязанность. Мари не любила никого, кроме Злотникова. Да и любовь ее к мужу оказалась болезненно извращенной и разрушительной.

– Баронесса, кстати, и после трагической кончины племянницы до Чернокаменска так и не добралась, замест себя прислала доверенное лицо, некоего господина Шульца. Тот еще проныра, я вам скажу.

В голосе Пилипейко послышалась плохо скрываемая зависть. Видно, Шульц был очень хорош, коль сумел устроить дела своей клиентки самым наилучшим для нее образом. А в том, что дела баронессы фон Дорф после смерти единственной племянницы пошли в гору, Август даже не сомневался. Странным было другое, отчего баронесса вдруг так скоропалительно решила вернуться на родину.

– Она вас оповестила о своем решении? – спросил он Пилипейко.

– Меня оповестил господин Шульц. – Поверенный сдернул с носа очки, протер полой пиджака. – В выражениях крайне сухих сообщил, что баронесса фон Дорф планирует нанести в Чернокаменск визит, просил подготовить замок к ее приезду. Меня! – Он ткнул себя пальцем в грудь с такой силой, что Август испугался, что палец этот сломается. – Я уже много лет верой и правдой служу Матрене Павловне. Что мне какие-то баронессы! А этот… Шульц посмел еще что-то требовать. Комнату с камином, и чтобы на полу непременно ковры, потому что баронесса, видите ли, боится сквозняков. – Пилипейко запнулся, а потом улыбнулся иезуитской улыбкой: – А будет ей ковер! Прекрасный персидский ковер.

– Со следами крови Злотникова? – Все-таки поверенный не нравился Августу все сильнее и сильнее.

– Кровь ототрем, если потребуется, пятно козеткой какой-нибудь прикроем. – А поверенный уже потирал ладони совершенно паучьим движением. – Не пропадать же добру!

– Не пропадать… – Август думал о другом, о том, что камин в этом доме есть в хозяйской спальне, и в камине том имеется потайной ход. Интересно, работает ли еще? Проверять не хотелось, за последние годы Берг не спускался в подземелье ни разу. Приходил лишь в пещеру с озером, часами просиживал перед статуей Евдокии, пил, жаловался ей, каменной и бездушной, оставившей его одного. Иногда ему казалось, что отражение жены кивает в ответ на его мольбы и жалобы, но по трезвому уму становилось ясно, что все это – лишь морок, обман зрения.

– А вот скажите мне, мастер Берг, – голос Пилипейко сделался вдруг вкрадчивым, – вы же на острове и в замке каждый закуток знаете.

– Знаю, – Август кивнул.

– Так вот и скажите, какие комнаты тут самые хорошие, светлые и теплые, чтобы без сквозняков, сырости и прочих… – он щелкнул пальцами, – неудобств.

– Для Матрены Павловны стараетесь?

– Для нее и для ее деток.

Отчего-то подумалось, что радеет господин поверенный не о братце Всеволоде, а о сестрице, которую в порыве душевном назвал не официально Натальей Петровной, а по-свойски Натали.

– Подскажу. Отчего же не подсказать!

– Ну и поплоше комнатки присоветуйте, раз уж такое дело, – подмигнул ему Пилипейко заговорщицки.

– Да нету в этом доме комнаток поплоше, – сказал Август с обидой в голосе, – на совесть все строилось, на века.

– На века не на века, а в каждом доме имеются свои тайны. – Пилипейко посмотрел на него как-то по-особенному. – Слыхал я, что вы в этом деле непревзойденный мастер.

Имелись в замке тайны, вот только рассказывать о них Август не собирался, поманил поверенного пальцем, начал доверительным шепотом:

– Замок этот построен на крови и человечьих костях, господин поверенный. Ежели я начну перечислять, кто на острове помер или без следа сгинул, так мы и до вечера не управимся. А потому от всего сердца советую и вам, и Матрене Павловне с детками на Стражевом Камне не останавливаться, а поселиться в Чернокаменске. Пусть бы даже в старой кутасовской усадьбе. Вот там безопаснее будет. Хотя… – Он вздохнул, – с тамошней часовой башни я однажды едва не свалился. И причиной тому…

– Надо полагать, причиной тому стало ваше пристрастие к вину, – перебил его Пилипейко раздраженно.

– Отчего же? – Изобразить удивление у Августа получилось без особого труда. – Причиной тому стал внезапно пришедший в движение механизм. Имеются на часовой башне фигуры: дама, рыцарь и дракон. Фигуры эти вращаются в положенное время под музыку, являются зрителям в окошках. Красиво, я вам скажу.

Вдруг захотелось их увидеть: и даму, и рыцаря, и дракона. Они тоже были его, Августа, детьми. Позабытыми на четверть века детьми, преданными.

– Поместье и часовая башня нас не интересуют, – сказал Пилипейко сухо. – Но если вдруг вспомните что-нибудь интересное об острове и замке, Матрена Павловна будет вам очень признательна.

– Да много ли мне нужно, господин поверенный? – Август развел руками. – Мне всего хватает.

– И кров над головой есть? – вкрадчиво поинтересовался Пилипейко. – Так вы не забывайте, мастер Берг, что кров этот вам не принадлежит, что во власти Матрены Павловны лишить вас и этакой малости. Разумеется, есть еще и другие наследники, но смею вас уверить, верность и преданность надо проявлять по отношению к сильнейшему.

– К Матрене Павловне?

– Вы разумный человек, мастер Берг.

– По крайней мере, стараюсь им быть. И над предложением вашим подумаю. А впрочем, я уже подумал и вспомнил. – Не с руки ему сейчас ссориться с новыми хозяевами замка, кое-какой тайной можно и пожертвовать.

– Слушаю вас очень внимательно. – Пилипейко подался вперед, вытянул тонкую шею.

– Из замка наружу ведет потайной ход, – сказал Август, понизив голос до едва различимого шепота. – Ходом этим никто никогда не пользовался, но, возможно, вам будет интересно.

– Мне будет очень интересно. – Поверенный закивал. – Ход этот, надеюсь, вы мне покажете?

– Непременно. Надо только найти ключи от подвала. – Вот заманить бы сейчас этого прощелыгу в подземелье да и оставить на растерзание албасты, уж она бы порадовалась такому подарку. Но нельзя, исчезновение Пилипейко незамеченным не останется, да и не остановит остальных наследников его смерть. Может так статься, что только лишь раззадорит. А вот лояльность его, вероятно, пригодится.

– Найдем. Если потребуется, новые сделаем. Надо ли напоминать вам, мастер Берг, что о нашем маленьком секрете больше никто не должен знать?

Август хотел было спросить, а как же Матрена Павловна с детками, но не стал. Отчего-то подумалось, что своей хозяйке про маленький секрет Пилипейко не расскажет.

* * *

Ключи нашлись в бывшей людской, увесистая связка висела на вбитом в стену гвозде. Даже Гришку звать не пришлось. Подвал Пилипейко пожелал осмотреть немедленно и первым бесстрашно шагнул в темноту. Глупый человечек…

Август зажег керосинку, поднял над головой, разгоняя синие тени. В одной из теней признал чуть более живую, чем остальные. Или чуть более мертвую… Седая коса юркой змейкой скользнула по каменному полу, едва не задев ботинок поверенного. Тот отшатнулся, словно что-то почуял, и с этого самого момента старался держаться поближе к Августу, чтобы не выходить за границы, освещенного лампой пространства. К потайному ходу Берг вышел не сразу, поплутал немного по подвалу, испытывая на крепость нервы Пилипейко. Албасты скользила следом, но стоило лишь обернуться, растворялась в темноте, растекалась под ногами холодной подземной водой, журчала серебряным смехом, радовалась предстоящему пиршеству. Видимо, поэтому на поверхность Пилипейко выбрался так быстро, как только мог, стер со лба капли пота и даже не стал осматривать набитый старым хламом сарай.

– Хорошо, – сказал таким тоном, что сразу же стало ясно, что ничего хорошего в прогулке под землей он не видит. – Надеюсь, об уговоре нашем вы не забудете?

– На память я, слава богу, не жалуюсь. – Август смахнул с редких своих кудрей паутину, спросил: – И когда следует ждать наследников?

– Матрена Павловна с детками прибудет через две недели. – Пилипейко отряхнул пыль с пиджака. – А как остальные, признаться, не знаю. Меня не известили. Но, как вы понимаете, заботы по подготовке поместья ко встрече гостей целиком и полностью ложатся на мои плечи. Может, поспособствуете? – На Берга он посмотрел почти с надеждой. – Присоветуйте людей из местных, чтобы прибрались в доме да бурьян вокруг покосили.

– Присоветовать-то я могу, – Август уже возился с дверью, ведущей из сарая во двор, – вот только согласятся ли люди… – Он сделал многозначительную паузу.

– Так я заплачу. Не много, конечно, расточительством заниматься не намерен, но кто же от лишней копейки откажется!

– Тот откажется, кому собственная шкура дорога.

– Почти двадцать лет прошло, мастер Берг, а вы все об ужасах своих! – сказал Пилипейко с укором. – Сегодняшним днем пора жить, любезный.

Август ничего не ответил, лишь молча пожал плечами. События давно минувших дней люди, может, и успели забыть, да только и озеро, и остров помнят все очень хорошо. От ощущения, что грядет что-то страшное и неотвратимое, зачесалось промеж лопаток и захотелось напиться. Вот только напиваться Август не стал, понимал, что не поможет, а приготовился затаиться и наблюдать за переменами, происходящими вокруг.

Перемены не заставили себя долго ждать. Уже на следующий после визита Пилипейко день на остров приплыли люди из тех, кому копейка не лишняя. Топот их ног и громкие голоса окончательно разбудили Черную Химеру. Она проснулась, потянулась до дрожи в каменных боках и замерла в предвкушении близящегося кровавого пира. На появление Августа Химера отвечала радостным мурлыканьем. Впрочем, слышать ее мог только он один. Остальные, безусловно, что-то чувствовали, но не понимали, что происходит, какой опасности они себя подвергают, оставаясь на острове. Августу хотелось кричать, гнать их прочь из замка, но вместо этого он лишь молча наблюдал за тем, как преображается дом, как исчезают грязные разводы на окнах и лохмотья паутины под потолком, как оживает, сверкая на солнце, наборный паркет, как освобождаются от старой пыли бархатные портьеры, как появляется в комнатах новая мебель, не дорогая антикварная, а самая обычная, но добротная. За три дня разобрали старую пристань и собрали новую. Еще пару дней понадобилось на то, чтобы покосить траву вокруг замка, постричь разросшиеся кусты и заново разбить клумбы. А еще через день появились первые гости. Или наследники. Август так и не решил, как их следует называть.

Прямо к новой пристани причалили сразу две лодки. В одной из них сидел тучный, обрюзгшего вида мужчина в засаленном, давно вышедшем из моды костюме. Костюм не сходился на необъятном его животе, а на застиранной рубашке расплывалось серое пятно пота. Мужчина выглядел уставшим и совершенно несчастным. На кончике его мясистого сизого носа повисла капля пота, а редкие волосы на макушке слиплись. Гость дышал шумно и часто, за борта лодки держался крепко, словно, боялся, что лодка эта может перевернуться. Сидевший на веслах юркий мужичок, наверное, тоже опасался, потому что на пристань выбрался сразу, как только лодка ткнулась острой

мордой в свежеструганые доски. Августу показалось, что даже перекрестился украдкой. Толстяк же выбирался долго, кряхтел, неловко хватался за поручни, расшатывая и без того глубоко сидящую в воде лодку, и было видно, что подобного рода путешествия для него – сущее мучение.

На веслах второй лодки сидел молодой человек в щегольском, хорошо скроенном костюме. Он был красив рафинированной, картинной красотой, четким профилем, капризной линией губ и пшеничного цвета кудрями напоминал Августу римских патрициев. По крайней мере, такими Берг их себе представлял. Молодой человек на пристань поднялся с непринужденным изяществом и протянул руку, помогая выбраться из лодки своей спутнице. Женщина была хороша и на первый взгляд молода. Но лишь на первый взгляд. Стоило только присмотреться, и становилось очевидно, что нежный румянец на высоких скулах появился отнюдь не вследствие естественных причин, что кожа бела и ровна благодаря пудре, а осиную талию поддерживает корсет. От наблюдательного взгляда не могло укрыться очевидное родство женщины и белокурого юноши. Галантный человек предположил бы, что это брат и сестра, но циничный Август сразу решил, что перед ним мать и сын. Мысленно перебрав все возможные варианты, он пришел к выводу, что перед ним семейная чета Кутасовых: Антон Сидорович и его супруга Екатерина, в прошлом несравненная мадемуазель Коти. А юноша – не кто иной, как Серж, их непутевый сын. Вот и прилетели первые ласточки. Или стервятники, это кому как угодно считать.

– Господи, какой кошмар! – Голос мадам Коти был глубокий, хорошо поставленный, но сейчас в нем отчетливо слышались визгливые стервозные нотки. – И кому только пришло в голову построить замок посреди озера?!

Она скользнула равнодушным взглядом по Августу, а потом поманила его пальчиком и сказала капризно:

– Эй, ну что ты стоишь истуканом? Проводи нас в дом! Кстати, где остальные слуги? Надо распорядиться, чтобы отправили в город человека за нашим багажом. Ты меня слышишь?

– Слышу, как же можно вас не услышать? – Август решительным шагом подошел к мадам Коти, галантно поклонился и отрекомендовался: – Позвольте представиться, Август Адамович Берг, архитектор.

То, что перед ней не слуга, а архитектор, не произвело на мадам Кутасову ровным счетом никакого впечатления, и ручку для приветствия она протянуть побрезговала, сказала все тем же капризным тоном:

– Вижу, нас тут не ждали! – На супруга своего она бросила полный раздражения и укора взгляд. – Тоша, ты только посмотри, что происходит! Нас не ждали в нашем собственном доме!

Антон Сидорович Кутасов тяжело вздохнул, утер мокрое лицо не слишком чистым носовым платком и протянул Августу руку.

– Рад знакомству, мастер Берг, – сказал он с почтением, которым тут же заслужил расположение Августа. – В Перми о вас и ваших проектах до сих пор ходят легенды.

– Тоша! – повысила голос мадам Коти и притопнула ножкой. – Мы так и будем стоять на этом солнцепеке?

– Ну, Котечка, что же я могу поделать? Я ведь приплыл на остров вместе с тобой. – В голосе его слышались виноватые нотки, но что-то подсказывало Августу, что к капризам супруги он давным-давно привык и научился на них не реагировать.

– Замок уже полностью готов к встрече гостей, можете не волноваться, – сказал Август.

– Гостей?! – Мадам Коти окинула его полным презрения взглядом. – Милейший, возможно, вы здесь и гость, а вот мы – хозяева!

– Котечка, дорогая… – пробубнил Антон Сидорович и попытался взять супругу под локоток, но та увернулась, раздраженно взмахнула рукой.

– Я говорила тебе, Тоша, нельзя пускать это дело на самотек! Столько лет дом стоял без присмотра, и теперь вот полюбуйся – мы здесь уже не хозяева, а гости! Кстати, ты не говорил мне, что дом такой огромный. – Она приложила ладонь ко лбу, сощурилась, разглядывая каменных горгулий. – Мерзость какая! – сказала с отвращением и тут же спросила, обращаясь уже к Августу: – А скажите-ка мне,

любезный…

– Август Адамович, – подсказал он.

– Любезный Август Адамович, кто еще из… гостей уже прибыл?

– Вы первые, – успокоил ее Берг. – Раньше других на острове появился господин Пилипейко, поверенный Матрены Павловны…

– Нет, ну какие прохвосты! – не дослушала его мадам Коти. – Опередили! Заслали уже этого своего!..

– Господин Пилипейко как раз и занимается подготовкой замка к встрече гостей.

– Хозяев! – взвизгнула мадам Коти и снова притопнула ножкой. – Попрошу запомнить!

– Хозяев, – покладисто повторил Август. – Он сейчас в городе, а я, если позволите, покажу вам дом и ваши комнаты.

– Комнаты я выберу сама! Я не какая-то там бедная родственница, чтобы мне указывали, где жить. Так и знайте!

Август перехватил полный тоски взгляд Антона Сидоровича, пожал плечами и молча пошагал к замку, побоялся, что еще чуть-чуть, и терпение его покинет. А ссориться с новыми гостями – то есть хозяевами! – Берг не планировал, так что придется немного потерпеть.

Он думал, что мадам Кутасова, уставшая с дороги, прямиком направится к себе в комнату, но не тут-то было, Коти решила первым делом осмотреть замок. О желании своем она объявила не терпящим возражений тоном, и Август обреченно вздохнул. Антон Сидорович тоже вздохнул, грузно опустился в одно из кресел, закрыл глаза.

– Котечка, ты уж сама… – сказал с мольбой. – Устал я невероятно.

Серж бросил на отчима полный презрения взгляд и тут же подхватил маменьку под локоток, выражая готовность сопроводить ее куда угодно.

По дому ходили долго, Коти совала свой очаровательный напудренный носик во все комнаты, почти так же, как до нее поверенный Пилипейко, заглядывала в шкафы и кладовки. Комнаты себе и сыночку она выбирала с невероятной тщательностью, капризами и сомнениями вконец замучив Августа. Наконец выбор ее пал сразу на три комнаты, из чего Август сделал вывод, что делить спальню с супругом мадам Кутасова не намерена.

Определившись с выбором, они спускались по лестнице, когда услышали голоса.

– Сделал все самым наилучшим образом, Матрена Павловна, можете не сомневаться, – вкрадчиво бубнил поверенный Пилипейко. – Времени у меня, конечно, было маловато, но, как видите…

– Вижу, Викеша! Вижу, дружочек! – Пожалуй, этот густой, с хрипотцой голос мог принадлежать как мужчине, так и женщине. – Постарался ты на славу!

– Что ж вы не сообщили, что приезжаете? – сокрушался Пилипейко, я бы распорядился, встретил бы вас по всем правилам.

– Господи, дружочек, да какие уж тут правила?! Мы, чай, не в гости едем, а к себе домой! Вот решили с Наташенькой, чего нам в Перми еще почти неделю сидеть, когда тут такое приволье, такая красота!

– Это еще что? – прошипела Коти и требовательно посмотрела на Августа. – Кто это там у нас?

В ответ он лишь пожал плечами, мол, разбирайтесь сами, и отступил в сторону, пропуская воинственно настроенную мадам Кутасову вперед. Следом за маменькой двинулся Серж, словно невзначай задев Августа плечом. Маленький паскудник…

А внизу тем временем разворачивалась настоящая драма.

Посреди холла, окруженные чемоданами и дорожными сумками, стояли четверо. Поверенный Пилипейко бережно прижимал к груди шляпную картонку, расписанную фиалками, и с картонкой этой выглядел до ужаса нелепо. Рядом, обмахиваясь веером, расположилась дородная дама, надо думать, сама Матрена Павловна. Фигура ее была монументальна, но при этом не лишена приятных мужскому взгляду изгибов. От жары ли или от избытка чувств пышная грудь ее вздымалась и колыхалась весьма волнительно. Волны эти стекали по складкам дорогого атласного платья, раскачивали бриллиантовые серьги в толстых мочках ушей. При всем при том Матрена Павловна излучала благодушную уверенность в себе, и даже появление мадам Кутасовой не вывело ее из душевного равновесия. Наоборот, она расплылась в широкой улыбке, жестом остановила ринувшегося было на ее защиту Пилипейко, сказала ласково:

– А вот и родственнички пожаловали! – Из уст ее это звучало как «бедные родственнички», и было очевидно, что в отличие от деверя свое наследство Матрена Павловна не только сохранила, но и приумножила, чем вполне заслуженно гордилась. – А я надеялась отдохнуть с дороги, побыть в семейном кругу, да вижу, ничего не выйдет. Каким ветром вас сюда занесло, Катька?

От возмущения, от таких вот обидных слов Коти фыркнула, ища поддержки, сжала руку Сержа, а потом тоном одновременно презрительным и высокомерным заявила:

– А ты небось надеялась тихой сапой все к рукам прибрать? Мало тебе было того, что семнадцать лет назад самый жирный кусок оттяпала?

– Я? – Матрена Павловна удивленно вскинула брови, веер ее колыхнулся и замер. – Милочка, да у тебя, как я посмотрю, с памятью совсем беда. Не от возраста ли? Я тогда никакого отношения к наследству не имела, я вон Наташенькой была беременна. – Веер качнулся в сторону юной особы, в силу возраста еще довольно стройной, но, очевидно, унаследовавшей от маменьки склонность к излишней пышности форм и здоровый деревенский румянец на премиленьком личике. Особа присела в легком реверансе. Смотрела она при этом не на маменьку и не на тетушку, а на Сержа. Во взгляде ее Август прочел изумленное восхищение. Определенно, кузен произвел на Натали впечатление.

А Коти услышала лишь то, что меньше всего желала услышать – тираду про возраст. Щеки ее пошли пунцовыми пятнами, скрыть которые была не в силах даже пудра.

– Тоша! – взвизгнула Кутасова. – Тоша, ты слышишь, что говорит эта… – Она не договорила, привычно притопнула ножкой.

– Дамы, прошу вас… – подал голос затаившийся в кресле Антон Сидорович. Голос его звучал несмело, с мольбой.

– И Антоша тут! – Матрена Павловна развернулась всем телом, колыхнулся массивный бюст, снова сверкнули бриллиантовые сережки. – Дай-ка я погляжу на тебя, деверь ты мой дорогой! Сколько лет мы с тобой не виделись? Кажись, с похорон моего Петеньки.

– Не были они на похоронах Петра Сидоровича, – ввернул Пилипейко, – не посчитали нужным, так сказать.

– Нам из Перми в ваше захолустье далековато, знаете ли! – не преминула куснуть Коти.

– Захолустье… – хмыкнула Матрена Павловна и велела: – Антошка, а ну покажись! Что ты там прячешься, давай хоть обнимемся по-родственному!

Из своего кресла Антон Сидорович выбирался долго и с явной неохотой, а когда наконец подошел к Матрене Павловне, та бесцеремонно, совершенно по-мужски присвистнула:

– Эким боровом ты стал! А раньше-то худющий был, что хворостина. Помнится, Петенька мой его двумя руками сзади за шею возьмет, как кутенка, да так, за шею, от земли и оторвет. – Матрена Павловна по-свойски подмигнула Августу и тут же спросила: – А вы небось тот самый сумасшедший гений, которого Савва при себе держал на манер европейских аристократов?

– Отчего же сумасшедший, Матрена Павловна? – Обижаться на людей простых и глупых Август давным-давно разучился. – Смею надеяться, что до сих пор нахожусь в здравом уме и твердой памяти.

– Так уж и в твердой? А по носу вашему сизому и не скажешь. – Она коротко хохотнула, довольная своей наблюдательностью. – Да вы не обижайтесь, господин архитектор, – добавила благодушно: – Я, знаете ли, тоже наливочкой

вишневой не брезгую, хоть Анатоль и не одобряет…

На Анатоля, тонкокостного, щегольского вида мужчину с напомаженными усиками и прямым, как бритва, пробором в черных волосах, дама посмотрела с нежностью и даже некоторой страстью, из чего Август сделал вывод, что видит перед собой нынешнего супруга Матрены Павловны, того самого, о котором не пожелал вспоминать поверенный Пилипейко. Супруг Анатоль был из породы тех мужчин, которые нравятся таким вот, как Матрена Павловна – богатым, властным, давно разменявшим юность на зрелость. Моложе своей влиятельной супруги он был лет на десять и казался почти ровесником пасынка.

Пасынок с отсутствующим видом стоял в сторонке, интереса к возникшей родственной пикировке не проявлял. Пожалуй, в нем единственном угадывались черты кутасовской породы. Он был невысок, коренаст, взгляд имел цепкий, а наметившиеся залысины в скором времени должны были превратить его почти в точную копию почившего Саввы Кутасова. Пожалуй, этот персонаж пока что казался Августу симпатичнее остальных. Если в сложившихся обстоятельствах вообще можно говорить о какой-либо симпатии.

Меж тем Антон Сидорович, воспользовавшись тем, что Матрена Павловна отвлеклась, под гневные взгляды супруги, которая так и не сошла с лестницы и смотрела на всех присутствующих сверху вниз, тихонечко ретировался к своему креслу.

– Ну, коль уж вы все равно приехали! – Матрена Павловна хлопнула в ладоши, и Антон Сидорович испуганно вздрогнул. – Предлагаю поужинать. Викеша, дружочек, а скажи-ка ты мне, есть ли в этом доме чего покушать? А то у меня с утра маковой росинки во рту не было.

– Конечно! Непременно! Вот прямо сейчас же распоряжусь, чтобы накрывали на стол, – засуетился поверенный. – А вы пока не изволите ли подняться в свои покои? Я приготовил самые лучшие комнаты!

При этих словах Коти помрачнела еще сильнее, ей-то ведь казалось, что для себя она выбрала как раз самое лучшее, но кто знает этого прохвоста! Может, специально подсунул спальни поплоше. Все это читалось на ее красивом лице. Она уже успела позабыть, что выбор делала самолично, без постороннего давления.

– Да ты не суетись, дружочек, не суетись! – Матрена Павловна веером похлопала поверенного по плечу. – Мы сейчас отдохнем с дороги, переоденемся, а через часок спустимся. И вы, родственнички дорогие, спускайтесь! – Она бросила насмешливый взгляд на пунцовую от злости Коти. – Деньжата у меня водятся, накормлю всех, никто голодным не останется! Слышишь, Антошка? С голодухи вы тут у меня не помрете!

– Отчего это у тебя? – тут же огрызнулась Коти. – Дом этот наш общий!

– А жратва? – сощурившись, спросила Матрена Павловна. – Жратва тут у нас тоже общая или все-таки до моей снизойдете?

Коти ничего не ответила, развернулась так резко, что Серж, придерживавший все это время ее за локоток, от неожиданности едва не свалился с лестницы, пошагала вверх.

– Я приду, Матрена, – тихо сказал Антон Сидорович, выбираясь из кресла. – Спасибо за приглашение.

– И вы, господин архитектор, приходите! – Матрена Павловна со щелчком сложила веер. – Расскажете нам, как оно тут, на острове. Вы ж, считай, один из немногих, кто выжил той ночью. Вот и расскажете…

Не дожидаясь ответа, она направилась к лестнице. Супруг и дети ее устремились следом, а Пилипейко бросил на Августа многозначительный взгляд, напоминая об их недавнем уговоре. Августу же было не до того, по каменной плите пола прямо у него на глазах змеилась и разрасталась трещина, так Черная Химера выражала свое нетерпение.

* * *

К обеду Август успел переодеться, сменить несвежую, с застарелыми пятнами рубаху на некогда элегантный сюртук, даже шейный платок повязал, посмотрел на свое отражение в озерной воде, поморщился. Старик, как есть старик. Только какого-то рожна молодящийся.

За огромным, рассчитанным на большую семью столом уже сидели новые обитатели замка. Матрена Павловна заняла хозяйское место в торце, по правую руку от нее уселся супруг Анатоль, по левую – Пилипейко. Натали с братцем расположились рядом с Пилипейко, из чего Август сделал вывод, что отчима своего детки недолюбливают. По случаю обеда Матрена Павловна сменила дорожный наряд на домашнее, но все равно вульгарно-роскошное платье. В ушах ее колыхались уже не бриллианты, а рубины, и рубиновая же подвеска кровавой каплей посверкивала в ложбинке между грудей. Глядя на подвеску, Август то и дело ловил себя на желании каплю эту рубиновую стереть. А Матрена Павловна внимание его, по всей видимости, расценила по-своему, глянула насмешливо, мол, знаю я вас, старых сатиров, понимаю, что, несмотря на немочь, охочи вы до сладкого. Да только сладость эта не про вашу честь, смотреть можете, а трогать – ни-ни! Для этого имеется законный супруг Анатоль – молодой, горячий, любящий.

Анатоль сидел истуканом, улыбался преглупой улыбкой, поглаживал унизанную перстнями руку женушки да изредка бросал озабоченные взгляды на поверенного. Пилипейко же заметно нервничал, то и дело вскакивал с места, раздавал распоряжения слугам, сверялся с какими-то своими записями. Натали Кутасова, одетая куда строже своей маменьки, в тщательно скрываемом волнении поглядывала на двери. Братец ее рассматривал собственные сложенные поверх крахмальной салфетки руки, вид у него был сосредоточенно-задумчивый, когда пробили настенные часы, он вздрогнул и скомкал салфетку.

– Ну-с, семеро одного не ждут! – сказала Матрена Павловна зычным баском и велела: – Викеша, дружочек, распорядись, чтобы подавали. Все, кто есть хотел, уже собрались, а кто…

Договорить ей не дали, распахнулась дверь и в столовую стремительным шагом вошла Коти Кутасова в сопровождении супруга и сыночка. На ней было дорогое муаровое платье, но наметанный глаз Августа заприметил следы перелицовки. Кажется, дела у мадам Коти шли совсем плохо, коль уж не хватило денег на новый наряд. Она же тем временем замерла в позе совершенно театральной, окинула презрительным взором присутствующих, мгновенно оценила диспозицию и решительно утвердилась напротив Матрены Павловны. По всему видать, уступать сопернице она не собиралась ни пяди. Серж, в отличие от маменьки одетый во все новое и по последней столичной моде, со скучающим видом уселся по ее правую руку, а Антон Сидорович, отдуваясь и обмахиваясь носовым платком, – по левую. Стул под ним жалобно заскрипел, но выдержал.

– Ну что у нас тут? – спросила Коти таким тоном, словно хозяйкой званого обеда была она, а не Матрена Павловна. – Велите же наконец подавать!

Пилипейко скорчил страдальческую мину и преданно посмотрел на свою хозяйку. Та снисходительно усмехнулась и вопреки этикету пристроила салфетку не на коленях, а поверх декольте.

– Пусть подают, Викеша, – сказала благодушно. – У нас тут голодные родственники…

За столом повисла неловкая пауза, которую, впрочем, почти тут же нарушил капризный голос Коти:

– Да вот и тебе, Матрена, не лишним было бы поголодать, нынче в Европе этакие-то телеса не в моде.

– А давно ли ты была в Европе, Катюша? – медовым голосом поинтересовалась мадам Кутасова. – Слыхала я, что положение ваше нынче настолько неприглядное, что вы дальше своего захудалого поместья не выезжали этак годков уже пять. Самое время тебе вспомнить былое ремесло. Или старовата ты уже для сцены?

– Тоша, – прошипела Коти и пнула локтем в бок придремавшего супруга, – Тоша, что она себе позволяет?

– А что хочу, то и позволяю. – Матрена Павловна поправила рубиновую серьгу. – Знаешь ли, в отличие от некоторых я многое могу себе позволить и не побираюсь. Сынок-то твой как, остепенился уже? Все из родительских карманов выскреб или осталось еще кое-что на черный день? Слыхала, он тот еще мот, весь в маменьку.

– Да как же так можно, тетушка? – Серж сделал попытку встать из-за стола, но так и остался на месте, успокаивающе погладил маменьку по руке.

– Матушка… – прошептала едва слышно Натали и, глянув на кузена, залилась краской смущения. Смущение это не осталось незамеченным Пилипейко, он нервно сдернул с носа очки и принялся полировать стекла салфеткой.

– Что – матушка? – Все так же благодушно поинтересовалась Матрена Павловна. – Что я плохого-то спросила? Вот брат твой, – она с нежностью глянула на сына, – печалей мне никаких не доставлял, не кутил, не лоботрясничал. Такому семейное дело доверить не страшно, а тут что? Да и было бы что доверять. Прогуляли, профукали наследство-то! На Европы да на побрякушки растратили, а тепереча что? Чего приперлись в Чернокаменск? За какой такой нуждой?

– А вот за этой! – Коти медленно встала, уперлась ладонями в столешницу, поскребла ногтями по скатерти, и от звука этого к горлу Августа подкатила тошнота. – Что, небось думала под сурдинку и остров, и поместье к рукам прибрать! Думала, семнадцать лет остров этот никому не нужен был, так и сейчас на него покупатель не сыщется? Думала, умнее всех тут? Так не умнее! – Она взмахнула рукой, и бокал, который слуга уже успел до краев наполнить шампанским, едва не упал на пол. Его с неожиданной для такого грузного человека ловкостью подхватил Антон Сидорович, аккуратно отодвинул подальше от края, сказал едва слышно: – Котенька…

Ответить ему Котенька не успела, заговорил молчавший все это время Анатоль.

– Дорогая, кажется, у нас еще гости. – Голос его звучал по-восточному бархатисто и томно, и взор свой волоокий он перевел с супруги на распахнутое по случаю жары окно.

За окном Августу почудилось какое-то движение, словно бы черная тень промелькнула. Неужто снова албасты шалит? А Пилипейко уже суетливо выбирался из-за стола, делая какие-то знаки заглянувшему в столовую лакею.

– Кого там еще принесла нелегкая? – недовольным тоном поинтересовалась Матрена Павловна и велела: – Викеша, ты разберись, дружочек. Нам тут посторонние не нужны.

Пилипейко кивнул, двинулся к выходу из комнаты, но исполнить поручение хозяйки так и не успел. Дверь в столовую снова распахнулась, являя взорам присутствующих новое действующее лицо. Вернее, не лицо вовсе…

Вошедшая в столовую незнакомка была высока и стройна. Отчего-то Августу показалось, что эта девичья изящность самая что ни на есть натуральная, не

такая, как у Коти Кутасовой. Вот только в смоляных волосах гостьи, уложенных в высокую, замысловатую прическу, было достаточно седины, чтобы понять – молодость ее осталась позади. Точнее определить возраст дамы помогло бы лицо, вот только лица-то как раз и не было. Вместо него была расшитая золотом черная шелковая маска, в прорезях которой яркими сапфирами поблескивали удивительной синевы глаза. Одета незнакомка оказалась в дорожное платье, на первый взгляд скромное, но определенно дорогое, и в платье этом выглядела весьма элегантно. Куда элегантнее Коти и Матрены Павловны, вместе взятых. Вот только маска…

– Это что еще за маскарад? – нарушил тишину язвительный голос Коти. – Господин Пилипейко, – обратилась она к поверенному, – неужто вы решили развлечь нас таким примитивным представлением?!

– В маскарадах и представлениях, Катька, ты у нас одна знаешь толк, – не преминула куснуть родственницу Матрена Павловна. Сама же она на незнакомку смотрела с внимательным прищуром, словно взвешивала на невидимых весах, прикидывала, чего ждать от этакой-то неожиданной встречи. – Милочка, а в самом деле, вы кто такая будете? – спросила вкрадчиво.

Ответить гостья не успела, в комнату шагнул сухопарый мужчина неопределенного возраста. Выглядел он совершенно непримечательно, почти так же безлико, как и его спутница. Если бы Августа заставили отвернуться, а потом попросили описать лицо мужчины, он бы, пожалуй, и не сумел, таким незапоминающимся оно было.

– Господа, – голос у незнакомца был тихий, с легким акцентом, – позвольте представить вам баронессу Агату Дмитриевну фон Дорф.

– Какую еще баронессу? – совершенно по-кошачьи фыркнула Коти, и левый глаз ее нервно дернулся. – Где баронесса?

– Прямо перед вами, – прошелестело из-под маски. Агата фон Дорф говорила еще тише, чем ее спутник. Но при этом в голосе ее доставало металла, который почувствовал каждый из присутствующих. Во всяком случае, Август точно почувствовал.

– Значит, баронесса… – Матрена Павловна колыхнулась телесами и возложенной поверх бюста салфеткой промокнула выступившую на носу капельку пота. – Решились, значит, покинуть родовое гнездо. Или где там у вас, у австрияков, принято жить?

– Вам ли не знать, Матрена Павловна, что родовое гнездо мое здесь? – В голосе баронессы послышалась усмешка.

– Где это – здесь? – тут же ринулась в бой Коти.

– Здесь. – Баронесса сделала неопределенный жест рукой. Хочешь, подразумевай под родовым гнездом замок, хочешь – остров, а хочешь – так и всю Россию-матушку.

– И что это вас вдруг спустя столько лет на родину-то потянуло? – поинтересовалась Матрена Павловна. По тому, как тревожно заколыхались ее подбородки, Август сделал вывод, что в баронессе фон Дорф она видит соперницу, куда более опасную, чем Коти.

– Ностальгия. – Баронесса улыбнулась. – Если не возражаете, я присяду. Долгая дорога…

Вот только дожидаться разрешения Агата Дмитриевна не стала, плавной походкой подошла к столу и уселась рядом с Августом, не преминув окинуть его внимательным взглядом. Отчего-то Августу показалось, что она его знает. То есть не знает, но справки навела. Или справки навел вот этот невзрачный человек, который верным псом проследовал за хозяйкой? Кто он, кстати, такой? Уж не тот ли господин Шульц, которому удалось так ловко уладить дела со злотниковским наследством? Надо полагать, он и есть. Вон как Пилипейко занервничал.

– Да чего уж там, – хмыкнула Матрена Павловна. – Одним нахлебником больше, одним меньше. Не знаю, как у вас, у австрияков, принято, а мы, русские, народ хлебосольный. Всех приютим и всех накормим. Правда, Катька?

Коти ничего не ответила, лишь крепко вцепилась в салфетку да гневно зыркнула на супруга, который благоразумно предпочел не вмешиваться.

– Я рада. – На уколы и язвительность Матрены Павловны баронесса отреагировала царственным кивком. – Тогда уж, будьте так любезны, распорядитесь, чтобы принесли воды. Очень хочется пить с дороги.

Как заметил Август, присутствующие, их имена и регалии, ее совершенно не интересовали. Все же сам он, как человек воспитанный, предпочел представиться и даже к затянутой в атласную перчатку ручке баронессы приложился в галантном поцелуе, на что та ответила ему благосклонной улыбкой.

– Я наслышана о вас, мастер Берг, – сказала едва слышно. – А теперь вот наконец-то довелось увидеть ваши дивные творения своими собственными глазами.

Прежний Август непременно бы распустил павлиний хвост, прикинулся скромным гением, но нынешний Август лишь сдержанно поблагодарил, а самому себе напомнил, что испытывать симпатий к загадочной баронессе не должен, потому как она одна из этих… наследников.

Подали обед. Несмотря на придирки и капризно поджатые губы Коти, он был весьма недурственный. Определенно, у поверенного Пилипейко тоже имелись свои таланты. Хозяйский быт он умел обустраивать с максимальным комфортом. И шампанское тоже было хорошее. Наверное. Сказать по правде, Август уже и забыл, какое на вкус хорошее шампанское, все больше обходился самогоном. А сейчас, чтобы поддержать реноме чудаковатого пьянчужки, пил много и почти с удовольствием. Его не смущали ни насмешливые взгляды Матрены Павловны, ни брезгливые Коти, ни вежливо-равнодушные баронессы. Компанию Бергу составил Антон Сидорович. После нескольких бокалов тот расслабился и повеселел. Даже начал вяло и не слишком умело отбиваться от нападок своей дражайшей супруги. Анатоль шампанскому предпочел красное вино, Всеволод Кутасов потягивал коньячок, Серж не брезговал ни шампанским, ни вином, ни коньяком, а Пилипейко с господином Шульцем пили исключительно воду. Они не перекинулись за столом даже парой слов, но отчего-то сразу становилось ясно, что в этот самый момент между ними идет незримый бой.

Бой, только вполне зримый, шел и между их хозяйками.

– А вот помнится, – заговорила вдруг Матрена Павловна, – попали мы с Анатолем на венецианский карнавал. Презанятное, скажу я вам, зрелище! – Она посмотрела на Коти, продолжила: – Катька, ты ж сильна была во всяких там финтифлюшках, не расскажешь, что это за мода такая нынче в Европе? Отчего это титулованные особы в масках ходят, что твои Коломбины?

Коти хотела было обидеться, да вовремя смекнула, что соперница предлагает ей временное перемирие.

– А наверное оттого, Матрена, что не каждой из титулованных дам довелось красавицей уродиться. – Она кокетливо заправила за ухо прядку. – Вот и приходится… ухищряться.

Августу думалось, что господин Шульц бросится на защиту своей хозяйки, но тот остался совершенно безучастным к происходящему за столом. Привык? Получил четкие указания? А вот привыкла ли сама баронесса к этакой-то беспардонности?

Судя по всему, привыкла. Уголки изящно очерченных губ чуть дернулись, да и только.

– У меня есть некоторые обстоятельства, – сказала она с холодной вежливостью. – Очень чувствительная кожа, если вам будет угодно.

– Настолько чувствительная, что эту дурацкую маску нельзя снять даже в доме? – подал голос молчавший до этого Серж. Похоже, язык ему развязала гремучая смесь из вина, шампанского и коньяка.

– Увы, – баронесса дернула точеным плечиком, – но я уже привыкла. Вы тоже привыкнете. Знаете, в масках есть свое очарование. – Она улыбнулась совершенно искренне, но посмотрела не на Сержа, а на Августа. – Вы согласны со мной, мастер Берг?

Он видел в масках произведение искусства, загадку с тревожной горчинкой, но очарование…

– Какое ж очарование может быть в обезличенности? – спросил он и осушил свой бокал.

– Отчего же в обезличенности? – усмехнулся Всеволод Кутасов и посмотрел на свои широкие ладони. – Маска – это ведь самая настоящая личина и есть. Менять их, кстати, очень удобно.

– Не могу с вами не согласиться, – кивнула ему баронесса, – и личин у меня таких будет поболе, чем у иных дам украшений.

– Не терпится увидеть. – Серж по примеру Августа тяпнул шампанского, и глаза его загорелись шальным блеском.

– Еще увидите, – пообещала баронесса. – Я собираюсь задержаться в этом гостеприимном доме.

Она отложила салфетку, встала из-за стола, сказала, обращаясь к Августу:

– Мастер Берг, не покажете ли вы нам с господином Шульцем замок и остров? Я была бы вам очень признательна.

– Если вы беспокоитесь о своих комнатах, – самым любезным тоном сказал Пилипейко, – так они уже подготовлены.

И ковер персидский, надо думать, уже отмыт от злотниковской крови. А если не отмыт, так пятно козеткой прикрыто… Августу вдруг сделалось тошно. Захотелось вернуться на маяк, в компанию албасты и рябой кошки. Обе они нынче казались ему приятнее и честнее собравшихся в замке людей.

– Благодарю за заботу, – от любезности поверенного баронесса отмахнулась с невероятным изяществом, – но я все же уповаю на помощь мастера Берга. – И она протянула Августу руку.

Пришлось выбираться из-за стола, на ходу дожевывая буженину и запивая ее первым, что подвернулось под руку, кажется, вином.

– С чего желаете начать осмотр? – поинтересовался он.

– А хорошая ведь идея! – Матрена Павловна хлопнула ладонями по столу, сверкнули на солнце каменья в перстнях. – Мастер Берг, голубчик вы наш, покажите-ка нам и дом, и остров! И расскажите! Слыхала я, что вы большой мастак по части историй. Викеша меня так стращал, так стращал. Жуть!

– Если вам будет угодно. – Август хотел изобразить шутовской поклон, но пошатнулся. Нарочно, чтобы думали, что он уже изрядно пьян, чтобы не воспринимали всерьез. Или наоборот, восприняли. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Вот он сейчас и расскажет. Вдруг да удастся отпугнуть глупых людишек, отвести беду от Стражевого Камня.

То, что надежды эти тщетные, он понимал с отчетливой ясностью, но все равно продолжал надеяться. Так уж он был устроен. А албасты куда-то пропала, не пришла поглядеть на самозванцев. Не интересно? Или день слишком яркий для нежити? Вот дождется ночи и тогда уж явится.

Осмотр начали с кабинета Злотникова. А вдруг да не навели там порядок, вдруг остались те страшные следы! Кровь на обоях и потолке – чем не аргумент, чем не подтверждение правдивости его слов! Да только зря надеялся, Пилипейко сделал все, что собирался, и нынешний кабинет ничем не напоминал о трагической смерти, в нем приключившейся. Разве что следы от когтей на подлокотниках злотниковского кресла остались. Но кого ж напугает такая мелочь? А обои поклеили новые, стол перетянули, ковер окровавленный убрали. Благодать!

– Не здесь ли Сергей преставился? – спросила Матрена Павловна, обходя стол по кругу и усаживаясь в кресло.

– Не преставился, а помер смертью весьма мучительной, – поправил ее Август. – Волколак оторвал ему голову.

Испуганно ахнула Натали, и Пилипейко посмотрел на нее с тревогой. За Натали Кутасову он переживал, пожалуй, поболе, чем за ее маменьку.

– Помнится, той ночью мы нашли его обезглавленное тело вот в этом самом кресле, – продолжил Август.

В отличие от дочки Матрена Павловна оказалась дамой не из пугливых, на лице ее не дрогнул ни единый мускул.

– А оторванная голова его лежала на столе… – Вот же железная баба! Ничем ее не пронять.

– Вы что-то говорили про волколака… – Баронесса фон Дорф отошла к окну, скрестила на груди руки. – В Германии тоже есть легенды о вервольфах.

– Да какой там вервольф?! Какой волколак?! – вмешался в разговор Пилипейко. – Любит господин архитектор туману напустить. Обычный волк. Ну, может, не совсем обычный – людоед.

– Вы много видели волков, способных одним ударом лапы оторвать человеку голову? – усмехнулся Август.

– А вы? – спросила баронесса. – Вы его видели, мастер Берг?

– Волколака?

– Вервольфа.

– Издалека. – Рассказывать, кем оказался тот самый веровольф, Август не стал. – Огромный был волчара. Вырезал почти всех на острове, немногим удалось спастись.

– Но вам удалось. – Серж усмехался гаденько, явно намекая на то, что Берг струсил и где-нибудь отсиделся.

– Повезло. – Август пожал плечами. – Злотникову вот не повезло, супруге его не повезло, а меня, видать, бог миловал.

– Так Машку разве зверь загрыз? – бесцеремонно поинтересовалась Матрена Павловна и встала-таки из-за стола.

– Мари Кутасова покончила жизнь самоубийством. Примерещилось ей, бедняжке, что-то. На этом острове людям многое мерещится. Вот она и не выдержала.

Господин Злотников тогда велел говорить всем, что с супругой его случился несчастный случай, опасался за репутацию, но мы-то тут все свои, считай, родственники…

– Кто родственник, а кто не пришей кобыле хвост, – заметила Матрена Павловна и перевела многозначительный взгляд с Коти на баронессу.

Коти возмущенно поджала губы, а баронесса, кажется, даже не заметила нападки.

– И что же с ним стало? – вдруг спросил Всеволод Кутасов.

– С кем? – не сразу понял Август.

– С волком. Поймали зверя? Пристрелили?

– Насколько мне известно, нет. Но после той страшной ночи зверь исчез. Может, ушел. А может, затаился, дожидаясь новых жертв.

– Глупости говорите! – Серж глянул на него с презрением. – Волки столько не живут.

– Так то обычные волки, а мы с вами сейчас говорим о волколаке, о нежити.

– Вам бы книжки писать, Август Адамович, – сказала Матрена Павловна и погрозила пальчиком. – Уж больно ловко у вас это получается. Ну-с, давайте по остальным комнатам пройдемся, а то мы этак и до вечера не управимся.

Прошлись, осмотрели все: от подвала до чердака. Впрочем, ни на чердак, ни в подвал Август честную компанию не повел. Зато показал побережье острова, заброшенную конюшню и лес, который за прошедшие годы стал еще выше, еще гуще.

– Непорядок, бесхозяйственность, – сетовала Матрена Павловна, осматривая имеющиеся на острове постройки. – Это ж столько лет поместье без присмотру! – Она глянула на Антона Сидоровича и с укором добавила: – Антошка, а ведь я хотела твою долю выкупить.

В ответ Антон Сидорович лишь беспомощно пожал плечами. Вместо него заговорила Коти:

– Ишь, что удумала – долю выкупить! А цену, цену ты какую за поместье предложила?! Это ж слезы, а не цена! Грабеж среди белого дня!

– Помолчи! – осадила ее Матрена Павловна. – Цену не тебе, а Антошке предлагали, но, уверена, это он по твоему наущению отказался. Ты ж, как про наследство услыхала, так и воспылала любовью неземной. Столько лет не пылала, а тут вдруг. С чего бы это? А ты, деверь мой дорогой, если бы поменьше ее слушался, так, глядишь, и не ходил бы сейчас в рваных портках да с протянутой рукой, скопил бы кое-что на старость.

Антон Сидорович посмотрел на нее с укором, хотел было что-то сказать, но вместо этого досадливо махнул рукой.

– А кое-кто так и вовсе из Европ своих не явился. – Матрена Павловна переключила внимание на баронессу.

– Отчего же никто не явился? – усмехнулась та. – Вот господин Шульц приехал, урегулировал все наилучшим образом.

– Урегулировать-то урегулировал, да только вашу долю продавать отказался.

– Так это мое право, уважаемая Матрена Павловна. На том этапе своей жизни в деньгах я не нуждалась.

– Не похоже, что и сейчас нуждаетесь, – завистливо ввернула Коти.

– В деньгах не нуждалась, но нуждалась в сохранении воспоминаний о Машеньке. – Баронесса не обратила никакого внимания на этот выпад. У нее вообще хорошо выходило игнорировать злых и глупых людишек. Августу бы у нее поучиться. – После смерти племянницы у меня не осталось никого, а это место… оно хранит память.

– Что ж вы не приезжали-то сюда столько лет за памятью? – Матрена Павловна уперла кулаки в бока. Выглядела она при этом весьма воинственно. – Что ж

нынче-то вам так память понадобилась?

Вопрос этот баронесса фон Дорф проигнорировала, сказала с холодной вежливостью:

– Все-таки дорога была не из легких. Пожалуй, я вас оставлю, господа. Мастер Берг, – она улыбнулась Августу, – благодарю за экскурсию, буду рада и впредь видеть вас в этом гостеприимном доме.

Дожидаться ответа не стала, развернулась и под руку с господином Шульцем направилась к замку.

– Ишь, фифа… – только и сказала Матрена Павловна. – Баронесса выискалась. Знаем мы таких баронесс.

Август устал. В самом деле устал за этот долгий день. Он ведь старик, ему позволено уставать.

– С вашего позволения я тоже… пойду. Утомился я, – сказал и покачнулся для пущей убедительности.

– Завтра приходите, – не попросила, а велела Матрена Павловна. – Персонаж вы, я смотрю, занятный, а на острове этом, чует мое сердце, скука нас ждет смертная.

Смертная… Это она правильное слово подобрала. Вот только скука ли?

Албасты и кошка его уже ждали. Сидели на лавке бок о бок, зыркали глазищами.

– Все в сборе? – спросила албасты, поглаживая кошку.

– Кажись. – Август упал на лежак, даже ботинки снимать не стал. – Не дом, а змеюшник.

– Как семнадцать лет назад?

– Может, еще и похуже будет. Измельчали людишки. – Он потянулся до хруста в костях, закинул руки за голову, продолжил задумчиво: – И никак в толк не возьму, зачем явились. Да все стразу. Даже баронесса из Вены пожаловала.

– Деньги. – Албасты почесала кошку за ухом. – У людей всегда одна-единственная причина для того, чтобы начать друг другу глотки рвать. Деньги их на остров привели.

– Еще любовь. – Август закрыл глаза. – Из-за любви тоже глотки рвут. – Перед внутренним взором встало растерзанное тело Злотникова. – Особливо из-за безответной любви. Вот только те, кто в замке, про настоящую любовь знать не знают. Пожалуй, ты права – деньги. А чего сама-то не заглянула, не посмотрела?

– Посмотрю. С острова они быстро не уплывут. – Албасты перестала гладить кошку, принялась расчесывать волосы костяным гребнем. В комнатушке сразу же сделалось холоднее. А на острых зубьях гребня Августу почудились капли крови. То ли волчьей, то ли человечьей…

Что она сделала тогда для Дмитрия? Помогла или судьбу будущую искалечила? Августу хотелось думать, что помогла: и Дмитрию, и Софье. Хорошая ведь получилась пара, правильная! Как у них с Евдокией когда-то…

Снова заныло сердце, и он приказал себе не вспоминать ни Евдокию, ни Софью. Вот только не вышло ничего.

Про Илькину смерть Софье пришлось сказать. Ради этого Август даже выбрался с острова, собственнолично явился в Пермь. Не напишешь такое в письме и письмом не погасишь горе. А Софья горевала: не кричала, не выла в голос, просто в ответ на слова Августа протестующе замотала головой, а потом враз обмякла. Дмитрий едва успел ее на руки подхватить, чтобы не расшиблась. И когда в себя пришла, тоже не поверила, отказывалась слушать, отказывалась слышать, себя во всем винила. Август тоже себя винил. Виноват он был больше всех остальных, такой камень на сердце носил, что иного бы этот камень раздавил, а он ничего, свыкся. Вот только к Софье и Дмитрию больше не приезжал и им являться на остров строго-настрого запретил. Сказал, что из-за албасты, а как там на самом деле, пусть останется на его совести…

Наверное, тягостные эти мысли незаметно перетекли в не менее тягостный сон, потому что, когда Август в следующий раз открыл глаза, в узкое оконце заглядывало уже не закатное солнце, а бледная луна. Кошка лежала у него на груди – вот тебе и камень на сердце! – а албасты ушла. Ну, ушла и ушла. Устал он. Так устал, что даже кошку, зверюгу рябую, спихивать не стал, снова закрыл глаза…

* * *

Вагон уютно покачивало, под мерный перестук колес спать бы да спать, вот только Анне, урожденной графине Шумилиной, было не до сна. В висках в такт вагонным колесам бился пульс, и с каждым биением усиливалась головная боль, которая еще утром казалась незначительной, а теперь вот грозилась вылиться в настоящую мигрень. Не помог даже сладкий до тошноты чай, который принес ей на ночь Миша. Ничего не помогало, и причиной тому было принятое ею решение. Но назад дороги нет. Доведись ей вдруг прожить последние месяцы заново, она поступила бы точно так же – отказалась бы от всего, что у нее было, чтобы узнать наконец правду.

А было у нее все, что только душа могла пожелать. Пусть Анна и осталась сиротой, но детство ее было счастливым благодаря тете Насте и дяде Вите. Они ее любили, оберегали, не лгали.

Про настоящих своих родителей Анна узнала, когда ей исполнилось семь лет. Тогда тетя Настя многого не рассказала, лишь обняла крепко-крепко и сказала, что родителей больше нет, что они на небе и им там хорошо. Анна тогда, помнится, очень обиделась, что родителям может быть хорошо без нее. Прошли годы, прежде чем она узнала всю правду: про отца и каторгу, про маму и ее деда.

У самой Анны тоже был дед. Высокий седовласый старик в косматой волчьей шапке приезжал к ним в поместье раз в год. У него было странное имя – Кайсы. И улыбался он Анне тоже странной, тревожной какой-то улыбкой. Гладил по волосам, всматривался в лицо, качал задумчиво головой и улыбался. А потом, одарив внучку удивительными подарками – вырезанными из кости фигурками, бусиками из разноцветных камешков, невесомой собольей шубкой, – всякий раз повторял:

– Растет моя девочка, настоящей красавицей растет.

Про красавицу это дед Кайсы говорил, чтобы Анну не расстраивать, потому что красивой она никогда не была. Худая не в меру, мосластая, скуластая, с глазами раскосыми, какого-то невыразительного серого цвета, с волосами рыже-пегими, хоть тетя Настя и называла их русыми. Вот мама, которую Анна видела только на пожелтевших от времени, бережно хранимых в семейном альбоме карандашных рисунках, была настоящей красавицей, и тетя Настя была красавицей, а Аня – так, недоразумение сплошное, сразу видно, что выродок и приблудыш.

Про то, что она недоразумение, выродок и приблудыш, Анна подслушала совершенно нечаянно и даже не сразу догадалась, что речь идет о ней. Говорили соседки, Валентина Петровна и Надежда Ивановна. Они были немолоды, степенны и чопорны, улыбались Анне сахарными, неискренними улыбками. В глаза улыбались, а за глаза говорили такие гадости. Анна уже была достаточно взрослой, поняла все правильно, но вот нахлынувшая вдруг обида не позволила сдержаться, привела в слезах к тете Насте. Та выслушала молча, погладила по волосам, накормила вкуснейшим вишневым пирогом и сказала, что не стоит обращать внимания на глупых и злых людей. С тех пор Валентина Петровна и Надежда Ивановна больше не появлялись в их доме, тетя Настя умела быть жесткой. А Венька, первейший Анин друг и защитник, украдкой от Ксюши перемазал соседские ворота куриным пометом, даже не убоялся, что дядька Трофим, его отчим и Ксюшин муж, непременно выпорет, как узнает об этакой проказе. Дядька Трофим узнал, но не выпорол, наоборот, дал Веньке медовый пряник, потрепал по вихрастой голове, а потом пообещал:

– Еще раз такое сотворишь, шкуру спущу.

Только получилось совсем нестрашно. Дядька Трофим хоть и выглядел большим и грозным, но на самом деле был добрым, Веньку любил, как родного. И Ксюшу любил, и Петрушу, младшего своего сына. Он даже Анну любил, хотя Анну-то уж точно ему любить было незачем, у него и без того забот хватало. Вместе с дядей Витей на стройке нового моста он пропадал днями и ночами, а когда в городе появлялся дед Кайсы, уходил с ним в лес на охоту. Однажды они даже взяли с собой Веньку и Феденьку, а Анну не взяли, сказали, что мала еще. И это оказалось особенно обидно, потому что Венька был почти на пять лет младше, а двоюродный братец Феденька так и вовсе на шесть. На Феденьку Анна не сердилась, как можно сердиться на братца, хоть и двоюродного, но по сути

родного. А вот Венька после той охоты загордился так, что пришлось отвесить ему подзатыльник, чтобы в чувства привести. Они не разговаривали потом почти две недели, на большее не хватило – помирились. Как же не помириться, если Венька ей тоже почти как брат!

Сейчас Анна оглядывалась на свое детство и понимала, что было оно у нее светлое и радостное. И люди ее окружали по большей части светлые: любили, берегли, защищали. С дядей Витей, тетей Настей и дедом Кайсы она могла поговорить о чем угодно, на любой вопрос получить ответ. Почти на любой вопрос… Анне исполнилось семнадцать, когда она начала понимать, что кое о чем и приемные родители, и дед, и дядька Трофим, и даже Ксюша, у которой она никогда ни в чем не знала отказа, молчат. И касается это Чернокаменска, города, в котором она родилась, города, где познакомились и полюбили друг друга мама и папа. Стоило Анне только завести разговор о Чернокаменске и острове с необычным названием Стражевой Камень, как тетя Настя бледнела, а дядя Витя темнел лицом. Дед Кайсы так и вовсе отворачивался и уходил, словно Анна была ему чужой. Сначала этакие странности ее удивляли, потом обижали, а затем заставили задуматься, отчего же любящие ее люди отказываются даже разговаривать об этом загадочном городе. Анна наводила справки, несколько дней провела в городской библиотеке, чтобы узнать о Чернокаменске хоть что-нибудь.

Узнать удалось немного. Похоже, исторического интереса город не представлял, а упоминался лишь в связи с добычей угля, руды, драгоценных камней да охотничьим промыслом. Только однажды Анна увидела коротенькую заметку об обосновавшемся в Чернокаменске известном архитекторе. Архитектора этого звали Августом Бергом, и имя его, сладкое, как липовый мед, отчего-то казалось Анне смутно знакомым. Таким же, смутно знакомым и одновременно тревожным, казался ей изображенный на пожелтевшей от времени фотокарточке замок. Замок возвышался над островом, остроконечной башней нависал над темной водой. И каменные горгульи, одновременно жуткие и притягательные, всматривались в свои отражения. А еще была башня-маяк, нарисованная углем в альбоме для набросков, который некогда принадлежал маме Анны. Башня тоже казалась Анне смутно знакомой, иногда она ей даже снилась. Как снилась ей и женщина удивительной красоты с волосами цвета серебра и такими же серебряными глазами. Во снах женщина улыбалась, гладила Анну по голове, напевала что-то ласковое на незнакомом языке. И только проснувшись, Анна понимала, что эта удивительная женщина – Айви, ее мама. Во снах мама выглядела не так, как на карандашных набросках, во снах она умела превращаться в маленькую ласточку, и Анне тоже так хотелось. И крошечная

серебряная ласточка, прощальный подарок родителей, казалась ей не просто украшением, а чем-то куда более значимым.

В ее снах была и еще одна женщина, тоже молодая, тоже удивительно красивая, с белыми волосами, которые она расчесывала костяным гребнем, а потом заплетала в толстую косу. Черными как ночь глазами незнакомка смотрела на Анну очень внимательно, а заплетенная коса точно живая извивалась у ее ног. Анне хотелось потрогать кончик косы, расчесать собственные волосы удивительным гребнем, но всякий раз, когда она пыталась попросить у незнакомки гребень, та исчезала. Иногда растворялась в густом тумане, иногда растекалась серебристой водой, словно ее и не было.

Про эту женщину Анна однажды попыталась поговорить с тетей Настей, подумала, что, возможно, красавица с гребнем может быть частью детских воспоминаний, как мама. Но в ответ тетя Настя лишь покачала головой, обняла крепко-крепко и сказала, что сон – это всего лишь сон, и нет нужды принимать его близко к сердцу. Вот только в голосе ее Анне послышалась тревога. Чего она тревожилась? За кого боялась? Или правильнее будет спросить – кого?

А однажды Анне приснился мастер Берг, тот самый, про которого она читала в заметке. Немолодой уже мужчина с редкими сальными кудрями сидел под цветущей яблоней и держал на коленях котенка. Котенок неказистый, головастый, с трехцветной свалявшейся шерстью тоже казался Анне знакомым, как и дремавший у ног мужчины огромный дог. Впрочем, дога она знала, это был Теодор, ее любимый пес, проживший очень долгую по собачьими меркам жизнь и умерший на руках у дяди Вити. Во сне Теодор был еще молодой и сильный, завидев Анну, он улыбнулся ей своей особенной собачьей улыбкой. А мужчина не улыбался, и на Анну, и на котенка в своих руках он смотрел с одинаковой недоуменной растерянностью, словно не знал, что с ними делать.

Из этого сна Анна вынырнула с твердой уверенностью, что сном его можно считать лишь отчасти, что в большей степени это старые воспоминания, погребенные под ворохом более новых, более ярких, менее опасных… Почему те воспоминания опасны, она не знала, но иррациональной этой уверенности даже не удивлялась, как не удивлялась и внезапно возникшему желанию докопаться до истины. Во что бы то ни стало!

Первым делом Анна написала письмо Августу Бергу. Это было полное неловкости и детских глупостей письмо, отправленное в неведомый

Чернокаменск в наивной надежде, что оно непременно найдет того, кому адресовано.

Не нашло. Или нашло, но показалось знаменитому мастеру настолько незначительным, что он даже не счел нужным на него ответить. А может, Август Берг уже умер. Даже в снах-воспоминаниях он выглядел старым, замученным жизнью. А сколько лет прошло? Куда как больше десятка.

На сей раз с расспросами Анна пошла не к тете Насте, а к Ксюше. Сидя однажды на кухне, где Ксюша была единоличной хозяйкой, запивая пирожок с капустой сладким чаем, спросила:

– Ксюша, а ты помнишь Августа? У него еще была трехцветная кошка.

И ведь ничего-то особенного не спросила, только Ксюша вдруг выронила половник, посмотрела испуганно. И по взгляду этому сразу стало ясно – она не просто помнит, она очень хорошо его знает. И значит, Анна тоже знает, вернее, знала, когда была маленькой. Знала, а потом вдруг забыла все напрочь.

– О ком это ты, деточка? – К слову сказать, в руки себя Ксюша взяла очень быстро, подхватила с пола нож, отерла полотенцем. – О каком таком Августе? Не знаю никакого Августа…

Врала. Так же как тетя Настя и все остальные. Любили, баловали, защищали, но отчего-то врали о ее прошлом. Странно. А там, где странно, там и страшно интересно, и разобраться с этой странностью нужно непременно. Вот только как разобраться, когда ты в Петербурге, а Чернокаменск так далеко, что и представить сложно? Да и ты, ко всему прочему, все еще считаешься особой юной и беспомощной.

Вот такой, юной и беспомощной, Анна оставалась еще довольно долго. Непростительно долго оберегали ее и от бед, и от самой жизни. А потом в один не слишком прекрасный день она услышала брошенное ей в спину презрительное – перестарок. Перестарок! И ведь было ей лишь слегка за двадцать, и самой себе Анна виделась той самой юной особой, пусть вовсе не беспомощной, как думалось родным, но уж точно не перестарком! И как-то вдруг оказалось, что все ее подруги давно замужем, а многие из них уже и детишками успели обзавестись, а она вот… все никак не решится даже на такую малость,

как путешествие в далекий Чернокаменск.

А город ее не отпускал. Как и черная башня, он являлся во снах едва ли не каждую ночь, манил, шептал что-то неразборчивое. Или это был не шепот, а плеск волн огромного лесного озера? Или всего лишь крики ласточек, парящих высоко в небе?

Снилась Анне и женщина с белыми волосами. Она сидела на большом камне, и коса ее плавала в воде, извиваясь по-змеиному. И там же, в воде, на самом дне озера, Анне чудился кто-то огромный и страшный, уснувший куда более глубоким сном, чем видящая сон девушка, но все равно наблюдающий: и со дна, и из своего сна… В чудище было что-то змеиное, но чешуйчатый бок его покрылся илом, порос ракушками, притворяясь чем-то заурядным, не стоящим Аниного внимания. Вот только шепот… Ее звал не город и не озеро, ее звало вот это страшное, не живое и не мертвое нечто, затаившееся в черной пещере.

Из таких снов Анна вырывалась с отчаянным криком, выпутывалась из влажных от пота простыней, подбегала к окну, чтобы убедиться, что ее мир не изменился, что неведомое чудище не утащило ее на озерное дно. Такие сны особенно пугали тетю Настю, может быть, даже сильнее, чем саму Анну, и поэтому Анна перестала о них рассказывать. Да, иногда ей снятся кошмары, но ничего ужасного – кошмары как кошмары. Ничего особенного, ничего из ряда вон!

Она и себя саму долгое время пыталась убедить, что в этих снах нет ничего особенного. Она ведь умная, образованная, она ведь даже посещает физико-математическое отделение высших Бестужевских курсов, а это кое-что да значит! Помнится, Ксюша все недоумевала, зачем барышне из высшего общества этакое совершенно мужское образование, какой в нем прок? А дядя Витя Анины чаяния неожиданно одобрил, помогал с теми дисциплинами, что давались ей не слишком легко, и гордился ее успехами, как своими собственными. Дядя Витя говорил, что непременно наступят те времена, когда даже в самых наисложнейших науках женщина окажется на передовой рядом с мужчинами. А Ксюша в ответ лишь вздыхала и замечала, что девице не надобно на передовую, девице надобно замуж, и на Анну поглядывала едва ли не с жалостью, так хотелось выдать подопечную замуж, чтобы непременно за хорошего человека, такого вот, как дядя Витя, или на худой конец как Семен Зайцев, сын дяди-Витиного товарища.

Семена Анна знала с детства и в качестве кавалера никогда не рассматривала, уж больно незначительным и неинтересным он ей казался. И достоинств особых она в нем не находила, ни ума, ни благородства, ни смелости. А за посредственность замуж не хотелось. Уж лучше на передовую. Глядишь, там, на передовой, ей повстречается тот самый, кто будет во всем похож на дядю Витю.

* * *

«Тот самый» повстречался ей не на передовой, а в читальном зале общественной библиотеки. Это случилось вскоре после того, как Анна узнала, что она перестарок, и почти сразу же после одного из особо ярких, особо запоминающихся кошмаров. Теперь, когда за плечами ее был какой-никакой жизненный опыт и не самое плохое образование, Анна все-таки решила окончательно разобраться с собственным загадочным прошлым и вечерами напролет пропадала в библиотечных архивах, искала даже незначительные упоминания о Чернокаменске и Августе Берге. Хоть о чем-нибудь! И молодого человека, недорого, но опрятно одетого, из-за своих изысканий заметила отнюдь не сразу. Не было ей тогда дела до незнакомцев. А вот молодой человек Анну заметил и, похоже, выделил, потому что как-то так само собой получилось, что они сначала начали здороваться при встрече, а потом и заговорили.

Его звали Михаилом Евсеевичем, но от официального «Евсеевича» они очень быстро перешли к доверительному «Миша». И доверительность эта оказалась уютной и прекрасной. Не было в Аниной жизни мужчины, с которым она могла бы разговаривать на равных, которого бы не удивляло ее пристрастие к наукам совершенно не дамским. Дядя Витя не в счет. Дядя Витя особенный.

Миша тоже был совершенно особенный: скромный, временами застенчивый, но одновременно настойчивый, он умел слушать, задавал вопросы, отвечая на которые, Анна чувствовала себя не просто умной, но и значимой. А еще Миша был очень симпатичным. Красота его оказалась неброской, она пряталась за стеклами очков, и чтобы разглядеть ее и оценить по достоинству, требовалось время.

Время у них было. Оказалось, Миша не просто увлекается историей, а изучает ее глубоко и серьезно, как настоящий ученый. Он и был ученым, пока еще малоизвестным в силу молодого возраста, но очень талантливым. Про то, что он особенный, Анна поняла едва ли не в первую минуту знакомства. Чувствовалось

в нем какое-то скромное благородство и то, что в дамских романах принято называть сдерживаемой страстью. Сдерживаемая страсть – это когда не напоказ, это когда хватает одного-единственного взгляда, чтобы сбилось дыхание и замерло сердце. От таких вот взглядов сердце Анны иногда сбоило, и кровь приливала к щекам неловким румянцем, а Миша, казалось, ничегошеньки не замечал. Или замечал, но не придавал значения. Люди науки – они ведь немного не от мира сего. Во всяком случае, Анне так думалось.

Про свои изыскания она рассказала Мише на втором месяце знакомства, и как-то так получилось, что он взялся ей помогать. Надо сказать, что помощник из него получился очень хороший. Было у него то, чего недоставало Анне – опыт, знания и необходимые знакомства. Первым делом Миша навел справки об Августе Берге. Оказалось, что, несмотря на давнее отшельничество Берга, в архитектурном сообществе столицы его помнят и чтят, хоть и считают изрядным чудаком. Оказалось, что свой след он оставил не только в Петербурге и Чернокаменске, но и в Перми. Вот о пермском периоде его жизни информации оказалось как раз больше всего. Мише удалось даже раздобыть старый архитектурный альманах с фотографиями спроектированных Августом Бергом зданий. Среди прочих снимков там нашлись снимки башен. Одна из них, водонапорная, была кряжистой и массивной, поражала воображение этакой средневековой грубой монументальностью. Даже не верилось, что построили ее не для украшения города, а всего лишь для снабжения водой Чернокаменского железоделательного завода. Вторая, часовая, белоснежная, словно сделанная из кружева, тянулась к небу, упиралась остроконечной верхушкой в самые облака.

– Там еще есть фигуры. – Миша ласково погладил снимок. – Бронзовые фигуры дамы, рыцаря и дракона. Говорят, если завести специальный механизм, эти персонажи приходят в движение и появляются в окнах смотровой площадки.

Дама, рыцарь и дракон… Должно быть, это очень красиво и загадочно. Должно быть, создавший их человек – личность незаурядная. Жив ли мастер Берг?

Пожалуй, этот вопрос интересовал Анну больше всего. И Миша ответил на него утвердительно. Для этого ему пришлось связаться со своим бывшим однокурсником в Екатеринбурге, а тому с кем-то в Перми. Вот так, по цепочке, до Анны и доходили бесценные сведения. Теперь благодаря Мише она точно знала, что лесное озеро с островом – это не плод ее детских фантазий, что и озеро, и остров, и даже маяк с замком существуют на самом деле.

Было и еще кое-что, то, о чем Миша долго не хотел ей рассказывать, но потом все-таки рассказал. Этот рассказ больше походил на страшную сказку. Впрочем, Миша, опасаясь напугать Анну, и преподнес его как сказку, местный чернокаменский фольклор. По рассказам местных жителей, в озере жило чудовище! И дань в виде человеческих жизней оно собирало исправно. Его никто не видел, но Анна знала, чудовище это древнее, покрытое почерневшей чешуей и поросшее ракушками. Точно такое, как в ее снах.

– Аннушка, не надо принимать все это так близко к сердцу! – Миша заглядывал ей в лицо, улыбался чуть встревоженно. – Уверяю тебя, в каждой деревне имеется такое озеро и чудовище. А еще непременно найдется клад, который оно сторожит.

Клад… А ведь про клад Анна тоже слышала! Давно, в детстве, которое отчего-то почти забыла. Про клад разговаривали дядя Витя и дед Кайсы. Вернее, не про клад, а про сундук, полный золота и самоцветов. Тогда Анна не знала, что такое самоцветы, а золото казалось ей на удивление скучным металлом. Гораздо больше ее заинтересовала картинка, которую дед Кайсы называл картой. Сохранилась ли карта до этих дней? Захотелось проверить, чтобы убедиться в достоверности воспоминаний.

Свой кабинет дядя Витя никогда не запирал на ключ, не было в их доме тех, от кого стоило бы таиться – все свои. Где лежит ключ от ящика его стола, Анна знала. Не представляла она лишь того, какое у нее возникнет гаденькое чувство, когда она этот ключ возьмет, что почувствует себя настоящей воровкой. Может быть, и остановилась бы, передумала, если бы не сны, если бы не с каждым днем становящееся все сильнее свербящее чувство в голове. Словно бы кто-то смотрит тебе в затылок, словно бы мысли твои читает. И нашептывает что-то непонятное, но очень настойчивое. От этого не отвернешься и про совесть забудешь, потому что страшно, по-настоящему страшно. А еще интересно и до правды хочется докопаться. Пусть и таким путем.

А карта нашлась. Она лежала в лакированной деревянной шкатулке на самом дне ящика. Точно такая же, какой запомнила ее Анна. Пожелтевший от времени, но все еще прочный кусок бумаги. Сделанный тушью рисунок оказался слегка потерт на сгибах, но все равно отчетливо различим. Но был ли этот рисунок картой? Анна не знала. Знать мог Миша. И она решилась на еще один проступок.

Миша изучал карту очень долго и внимательно, то снимал, то снова надевал очки, задумчиво ерошил волосы, а потом сказал:

– Аннушка, это не карта. По крайней мере, не топографическая карта. Это какая-то схема, причем неполная. Вот видишь, – он провел указательным пальцем по аккуратно обрезанному краю, – здесь должно быть продолжение.

– И крестик, – сказала она с невеселой усмешкой.

– Какой крестик? – Миша поднял на девушку удивленный взгляд.

– На всех пиратских картах должен быть крестик, указывающий на место, где зарыт клад.

– Аннушка, это не пиратская карта. – Иногда Миша казался ей слишком уж серьезным. Вот как сейчас.

– Но это ведь карта?

– Определенно.

– А карта чего? – Анне уже было по-настоящему интересно, что же такое она нашла. Ведь очевидно, что это что-то важное, если дядя Витя хранит листок под замком.

– Не представляю. – В глазах Миши светилась уже знакомая Анне жажда познаний. – Но мне бы очень хотелось понять! – Он с нежностью погладил карту. – Это ведь история! Понимаешь?

Она понимала. Возможно, она понимала даже больше, чем Миша, просто пока не все вспомнила, но загадочная карта могла стать тем самым ключиком, который отопрет потайную дверцу с детскими воспоминаниями.

– Я ее перерисую, – сказала она твердо.

– Давай лучше я. В такого рода вещах важна точность и соблюдение масштаба.

Чтобы соблюсти масштаб, они решили не перерисовать, а скопировать, со всей возможной тщательностью перенесли карту на кальку.

– Может быть, у твоего дяди есть вторая часть? – спросил Миша, возвращая Анне карту.

– Вряд ли. – Она покачала головой. Если у кого-то и была вторая часть, то у деда Кайсы. Но дед Кайсы как ветер, никогда не знаешь, когда он прилетит и когда улетит обратно.

Анна так и сказала, еще и руками взмахнула, изображая ветер. Калька с переведенной на нее картой едва не слетела со стола. Миша накрыл ее ладонью, а потом и вовсе сложил вчетверо и спрятал в карман. Подумав немного, он спросил:

– А как ты догадалась про карту? Откуда вообще узнала о ее существовании?

Миша был другом, нет, он был больше, чем другом, и тем вечером в библиотеке Анна рассказала ему все: и о своих детских воспоминаниях, и о своих снах, и о своих страхах. Ведь должна же была она хоть кому-то рассказать! Кому-то, кто не станет ее успокаивать и уговаривать не думать о всяких глупостях. Кому-то, кто поверит этим рассказам.

Миша поверил. Он, чужой человек, вчерашний незнакомец, понимал ее лучше родных людей. Это было немного обидно и одновременно чудесно. Так же чудесно, как их самый первый, такой робкий и такой страстный поцелуй. Миша поцеловал ее, когда по уже заведенной традиции проводил до дома. Движения его были порывистыми и неловкими, а очки едва не свалились на мостовую. Наверное, таким и должен быть первый поцелуй, Анне не с чем было сравнивать. Да и не хотелось ей сравнивать! Сердце переполняло удивительное, доселе неведомое ей чувство, словно бы тело сделалось невесомым и звонким как колокольчик. Этот звон даже на какое-то время заглушил зуд, поселившийся в ее голове.

А ночью Анне приснился кошмар…

На озерном дне было неспокойно. Остовы затонувших лодок качало невидимое подводное течение. Оно же поднимало со дна древние кости, крутило их в

водоворотах, а потом выплевывало кое-как собранные уродливые тела. Тела эти были одновременно мертвыми и живыми. Черепа с редкими космами волос, черные глазницы, желтые зубы, скалящиеся в безумной улыбке. И монотонное, словно звук кастаньет, пощелкивание костей. Мертвецы, выходящие из водяных воронок, медленно, но верно брали Анну в плотное кольцо. Их неловкие движения были нечеловеческими, еще более нечеловеческими, чем они сами.

Захотелось бежать и кричать во весь голос, но стоило только открыть рот, как в него хлынула ледяная, пахнущая металлом вода. И бежать не получилось, ноги оплели черно-зеленые водоросли. Ей оставалось только одно – умереть. Наверное, в смерти было ее единственное избавление. Но и умереть в этом жутком мире не получалось. Вода лилась уже сквозь Анну, и водоросли прорастали сквозь… А из недр черной пещеры за ее несмертью и нежизнью наблюдал кто-то настолько же страшный, насколько и древний. Пока только наблюдал, но что случится, если ей не удастся выбраться?..

Страх подстегнул, придал сил. С тихим стоном лопались струны водорослей, просыпались на озерное дно старые кости, а из легких вырывалась уже не вода, а отчаянный крик.

Анна проснулась мокрая от пота и слез, замахала руками, пытаясь высвободиться из страшных объятий сна. Наверное, кричала она лишь в кошмаре, потому что в комнату ее никто не зашел, не попытался успокоить, не предложил теплого молока. Только полная луна равнодушно заглядывала в окошко да расстилала у ног Анны серебристую дорожку.

За молоком Анна спустилась на кухню сама. Согрела большую чашку, а потом еще очень долго грела о ее пузатые глиняные бока озябшие ладони. Решение пришло, когда на дне чашки осталось всего несколько капель. Чтобы не сойти с ума, нужно во всем разобраться. А чтобы во всем разобраться, придется отправиться в Чернокаменск.

* * *

Анна никогда не обманывала своих родных, но после той ночи решилась на обман.

Они бы ее не отпустили. Стоило только сообщить о своем намерении ехать в Чернокаменск, и ее бы не отпустили. Нашлась бы тысяча причин, несомненно, уважительных, очень аргументированных. Или здесь, в Петербурге, случилось бы что-то такое, что заставило бы Анну сначала задержаться, а потом передумать и вовсе остаться. Они, ее родные, поступили бы так не со зла, а из-за любви, из-за желания защитить. Но от чего ее нужно защищать? Или от кого? Уж не от тех ли страшных воспоминаний, которые почти исчезли, а теперь вот пробирались в ее сны и грозились окончательно отнять покой? И все-таки ради успокоения бунтовавшей совести Анна предприняла еще одну попытку. На сей раз заговорила она с дядей Витей.

Весна в этом году выдалась ранняя. Пользуясь неожиданно подаренным теплом, уже ставшее традиционным для них двоих субботнее чаепитие перенесли из дома в сад, под цветущую яблоню. От малейшего порыва ветра яблоневый цвет сыпался на застеленный скатертью стол, падал в чашки, но ни Анне, ни дяде Вите это не мешало. Нервничала только Ксюша, то и дело пыталась смахнуть со стола лепестки. Ксюша любила, чтобы во всем был порядок, и от любви этой частенько страдал Венька, который порядок не понимал, а в глубине души так и вовсе презирал, считал глупой дамской блажью.

– От же, окаянный! – ворчала Ксюша и поднимала круглое румяное лицо к синему небу. – Дует и дует!

– Ксюша, все замечательно. – Дядя Витя привык к этому ее ворчанию точно так же, как привык и Венька. – Ты иди, отдохни. Анютка у нас барышня взрослая, образованная, за порядком на столе как-нибудь присмотрит.

Анна закивала, соглашаясь. Лепестки было жалко, даже в чае они ей нисколько не мешали. Ксюша ушла не сразу, обвела стол придирчивым взглядом, таким же взглядом посмотрела на Анну, словно бы решая, можно ли доверить ей столь сложное дело, но все-таки смирилась, покачала головой, поправила льняную салфетку и ушла в дом.

– Красота! – Дядя Витя улыбнулся, а потом, чуть поморщившись, потер ногу.

– Болит? – спросила Анна.

Нога его была некогда сильно поломана. Так рассказывали тетя Настя и Ксюша, а Ксюша со вздохом добавляла, что с этаким переломом всякое могло случиться, но бог миловал, да добрые люди помогли. Под «всяким» имелось в виду что-то очень страшное, может быть, даже смерть. Но о том, при каких обстоятельствах это несчастье с дядей Витей приключилось, никто не рассказывал. Приключилось и приключилось. Шрам на ноге остался жуткий, но зажили кости хорошо, дядя Витя даже почти не хромал. Лишь изредка, чаще всего ранней весной, старая травма давала о себе знать.

– Пустое, Анютка, просто иногда ноет. – Ложкой он размешивал плавающие в чашке яблоневые лепестки, вид у него был рассеянный. Анне показалось, что из-за воспоминаний.

– Ты сломал ногу в Чернокаменске? – спросила она.

Дядя Витя отложил ложку, кивнул в ответ.

– А как?

– Попал под завал.

– Под завал? – Благодаря своим тайным изысканиям Анна знала, что в окрестностях Чернокаменска много угольных шахт. Но что делать дяде Вите в шахте?

– Там есть одно место – особенное. Остров посреди озера. – Он говорил медленно, словно решая, а стоит ли ей вообще что-нибудь рассказывать.

Анна затаила дыхание. Про остров посреди озера она уже знала. Она даже знала, что дядя Витя занимался пуском маяка. Того самого, который спроектировал и построил загадочный Август Берг. Вот почему дядя оказался в Чернокаменске. Его пригласил известный на весь Урал промышленник Сергей Злотников. Про Злотникова Анне обещался рассказать Миша, а пока знала она лишь то, что личностью тот был одиозной, что денег и амбиций у него имелось в избытке, и результатом этих амбиций стал маяк и похожий на средневековый замок дом, построенный на острове посреди Стражевого озера.

– Под этим островом есть пещеры наподобие тех, что я показывал вам с мальчишками на Черном море. Помнишь?

Те пещеры Анна помнила очень хорошо. Как и маяк на берегу моря. Маяк был нарядный, белокаменный, с аккуратным, похожим на игрушечный, домиком смотрителя. Его стены вкусно пахли солью, нагревались на южном солнце и до самого раннего утра хранили тепло, рядом с ним было уютно и спокойно. Их семья приезжала на побережье почти каждый год. Сначала с дядей Витей, которого на маяке любили и всегда ждали, а потом все больше с тетей Настей, Ксюшей, Федей, Венькой и Петрушей. Обитатели маяка, люди, славные во всех отношениях, полюбили и их тоже, каждый год приглашали в гости, ждали и радовались их приезду.

А пещеры были удивительные! Помнится, тетя Настя не хотела отпускать их исследовать, говорила, что это не детские забавы. Тетя даже поспорила из-за этого с дядей Витей, но не сильно – по-настоящему они не спорили никогда, – а так… слегка. Победил дядя Витя, и на следующий день они большой и шумной компанией оказались в настоящей пещере. Тогда Анна впервые увидела сталактиты, а Венька попытался даже обить у одного из них кончик. Разумеется, у него ничего не вышло, но подзатыльник от Ксюши, которая всю дорогу крестилась и охала, он все равно схлопотал.

Та давняя экскурсия показалась Анне увлекательной и совсем нестрашной, про то, что в пещере можно попасть под завал, она даже и не думала. Не оттого ли, что дядя Витя никогда не повел бы их в по-настоящему опасное место?

– Те пещеры, что под островом, совсем другие. – Он подул на и без того уже остывший чай, сделал большой глоток. – Там небезопасно.

– Но ты все равно туда спустился.

– Спустился. – Он искоса глянул на Анну, а потом улыбнулся совершенно по-мальчишески, сказал: – Я ж был молодой, глупый, сунулся и вот… – Он похлопал себя по ноге. – Думал тогда, все, конец мне пришел, уже и смирился. Если бы не Федор, твой отец, не сидел бы я сейчас перед тобой. Он меня спас, рискуя собственной жизнью, вытащил из той пещеры, на лодке отвез в город. Это я тебе, Анютка, сейчас рассказываю не затем, чтобы ты знала, каким я был дураком по молодости, – дядя Витя снова улыбнулся, – а затем, чтобы понимала,

каким удивительным человеком являлся твой отец. Я горжусь тем, что он называл меня своим другом, что доверил мне свою сестру.

А ведь дядя Витя и в самом деле гордился и про Аниного папу говорил с большим уважением, несмотря ни на что, несмотря даже на тот проступок, на то страшное клеймо…

Про то, что граф Федор Шумилин – государственный преступник и беглый каторжник, Анне рассказала тетя Настя. Давно рассказала, наверное, сразу после того неприятного инцидента с соседками. Видно, решила, что о вещах таких мучительных и страшных узнавать лучше не от чужих людей, а от самых близких и любящих. Тогда, в далеком детстве, Анну пощадили, рассказали далеко не обо всем, опустили самые мучительные подробности. Их она выяснила уже сама, когда стала взрослой, разузнала все, что смогла, о прошлом своего отца, графа Федора Шумилина. Или далеко не все? Чем больше Анна углублялась в изучение истории своей семьи, тем крепче становилось убеждение, что настоящая жизнь у ее отца началась уже в Чернокаменске, где он повстречал свою будущую жену, где подружился с дядей Витей и где отец с мамой погибли…

Про то, как ушли из жизни ее родители, Анна узнала от деда Кайсы.

– Они ушли, – сказал он строго. – Ушли туда, где им сейчас хорошо.

– На небо?

– Может, и на небо. Главное, они сейчас вместе.

Тогда такой ответ удовлетворил девочку, но чем старше становилась Анна, тем больше вопросов у нее появлялось. Ушли – это не ответ. Как ушли? Почему ушли? Вот на эти-то вопросы ответить ей так никто и не смог. Дядя Витя попытался, но получилось у него не слишком хорошо.

– Понимаешь, Анютка, – он всегда называл ее вот так ласково, – есть вещи, которые простому человеку не дано понять.

Она хотела возразить, что давно уже выросла, и ей можно сказать правду, какой бы горькой эта правда ни была. Ее не нужно оберегать, потому что неведение для нее куда болезненнее даже самой горькой правды. Не сказала, заглянула в глаза дяди Вити и не нашла правильных слов, как-то сразу поняла, что ему от этого разговора едва ли не больнее, чем ей.

– Они умерли? – спросила шепотом.

– Они ушли.

– Разве это не одно и то же? – К боли прибавилась злость.

– Не всегда, Анютка. – Дядя Витя больше не смотрел ей в глаза. – Не всегда…

– А их могилы? – Если есть смерть, должно быть и ее вещественное доказательство, должно остаться место, на которое она когда-нибудь, рано или поздно, сможет принести цветы.

– Могил нет.

Больше дядя Витя ничего не сказал, а Анна, уже совсем взрослая, растерявшая детские иллюзии, пришла к выводу, что ее родители утонули в Стражевом озере. Они утонули, и их так и не нашли…

– Я хотела бы поехать в Чернокаменск.

Чай в ее чашке уже давно остыл, а яблоневые лепестки, точно затонувшие кораблики, опустились на дно.

– Тебе нельзя, – сказал дядя Витя неожиданно резко, а потом добавил уже совершенно другим, ласковым, тоном: – Анютка, это плохое место для такой, как ты.

– Почему? – Может быть, сейчас, во время доверительной беседы, он скажет ей правду, развеет все ее сомнения.

– Почти пять лет ты жила в Чернокаменске, сначала со своей мамой, потом, после ее смерти, со своей прабабушкой. Ты не можешь этого помнить, но в те годы ты болела так сильно, что тебя пришлось увезти из города. Наверное, тебе не подходил тамошний климат, или было еще что-то… – он замолчал, подбирая правильные слова, – необычное.

Необычное… Да все ее прошлое было необычным! Настолько необычным, что о нем даже боялись говорить правду. Ведь дядя Витя сейчас ей врал, а врать у него никогда не получалось.

– Как бы то ни было, чтобы сохранить тебе жизнь, нам пришлось уехать.

А сейчас он говорил правду. Из Чернокаменска они с тетей Настей уехали из-за нее и ради нее, вот только была ли тому причиной загадочная болезнь, которая совершенно бесследно исчезла в суровом климате Петербурга? Анна вообще не могла припомнить, чтобы болела чем-то серьезнее обычной простуды. Даже Венька и тот болел чаще.

– Анютка, – дядя Витя погладил ее по волосам, заправил за ухо выбившуюся из прически прядь, как делал с раннего детства, – я понимаю, что тебе хочется разобраться, хочется побывать на своей родине, но не надо. Поверь, там нет ничего, что заслуживало бы твоего внимания. Там никого не осталось.

Ей хотелось возразить, что там остался Август Берг, человек, с которым – она была в этом уверена! – дядя Витя до сих пор поддерживал связь. И только там могли найтись ответы на ее многочисленные вопросы. Но Анна ничего не сказала, лишь накрыла широкую дяди-Витину ладонь своей ладошкой. Она ведь любила своих близких ничуть не меньше, чем любили ее они, и не хотела причинять им боль. Но и отказываться от принятого решения она тоже не собиралась.

Решение было простым. Ей придется соврать, чтобы осуществить задуманное, но, возможно, ложь во благо не так страшна. Тем более что обстоятельства складывались наилучшим для Анны образом. Этим летом поездка к Черному морю откладывалась. У дяди Вити был проект в Адмиралтействе, который требовалось закончить до осени. Федя решил непременно стать офицером и готовился к поступлению в Кадетский корпус. Разумеется, ни тетя Настя, ни Ксюша не могли оставить такое важное событие без внимания. А Анна была

совершенно свободна, и свободой этой решила воспользоваться по собственному усмотрению: поехать на Черное море.

Ее решение неожиданно напугало тетю Настю. Выяснилось вдруг, что Анна, несмотря на совершеннолетие, еще слишком юна для дальних поездок. Пришлось напомнить, что сама тетя Настя была едва ли не моложе ее, когда впервые отправилась к бабушке в Чернокаменск. От встречного аргумента, что путешествовала она не в одиночку, а под присмотром Трофима, Анна отмахнулась, как от несущественного. Времена нынче другие, просвещенные, да и дорога на курорт совершенно безопасна, если не сказать, комфортна. Анне очень хотелось добавить, что у нее тоже будет спутник, но здравый смысл удержал ее от этого опрометчивого заявления. Конечно, Миша во всех отношениях чудесный и особенный, и Аниным родным бы он непременно понравился, но знакомить его с ними накануне отъезда очень неблагоразумно. У тети Насти да и дяди Вити наверняка возникли бы тысячи вопросов к ее новому другу. Или уже не просто другу, а сердечному другу? А Венька тот и вовсе мог бы устроить Мише какое-нибудь преглупое испытание на вшивость. С Веньки бы сталось. Да и реакции Трофима Анна сильно опасалась. Помнится, никого из ее малочисленных приятелей Трофим не жаловал, а кое-кому так и вовсе грозился пообрывать уши. Поэтому Анна решила, что познакомить Мишу с семьей можно и после возвращения. Так всем будет спокойнее.

Всей семьей ее и провожали. Даже вечно занятой дядя Витя сумел вырваться с работы, даже Федя отложил свои учебники, чтобы проститься со старшей сестрицей. Трофим с Венькой тоже пришли, выглядели они строго и грозно, окидывали подозрительными взглядами всех проходящих мимо Анны молодых людей. Что уж говорить про тетю Настю и Ксюшу? Ксюша едва сдерживала слезы, словно провожала Анну не на курорт, а на войну, а тетя Настя улыбалась и бодрилась изо всех сил, но про напутствия не забывала, наверное, в пятый раз проверила, на месте ли багаж и не забыла ли Анна деньги и документы. Потом, когда посадочная суета наконец закончилась, они все дружно махали вслед отходящему от перрона поезду, а Ксюша, кажется, все-таки расплакалась. Никогда Анна так остро не чувствовала себя лгуньей и предательницей.

Она вышла из вагона на ближайшей станции. Там ее уже ждал Миша. Вот и все, мосты сожжены, Рубикон пройден…

* * *

Обратно в Петербург возвращались на скрипучей, готовой вот-вот развалиться пролетке. Извозчик, хитроглазый, вислоусый мужичок, клялся и божился, что его Ласточка домчит их в лучшем виде. Ласточка, пегая лошадка, молодость которой закончилась, наверное, еще до рождения Анны, лишь горестно вздыхала и мотала хвостом, отгоняя гнус. Шла она неспешной трусцой и на крики хозяина не обращала никакого внимания. Зато у Анны от этих воплей очень быстро разболелась голова. А еще комары. С наступлением сумерек комары не давали покоя не только несчастной Ласточке, но и людям. Сорванная Мишей ветка черемухи совсем не помогала, места комариных укусов зудели, и с каждой минутой Анна чувствовала себя все несчастнее. Но ни роптать, ни жаловаться она не собиралась. Впереди ее, возможно, ждали куда более серьезные испытания, чем какие-то там комары. А Миша и без того переживал. Он то и дело поглядывал то на Анну, то на часы, из чего она сделала вывод, что времени у них в обрез. Миша никак не рассчитывал, что Ласточка окажется такой… неспешной. А еще никто из них не мог представить, что на середине пути случится непредвиденное…

Сначала Анна услышала громкий хруст, а потом пролетка опасно накренилась и просела. Ласточка вздохнула, кажется, с облегчением и встала как вкопанная. Закричал, забранился извозчик, спрыгнул с козел, принялся осматривать колесо.

– Все, приехали! – сказал и в сердцах бросил себе под ноги шапку. – Ось сломалась!

– Так чини! – Миша снова посмотрел на часы, успокаивающе обнял Анну за плечи. – Все будет хорошо, – сказал он уверенно. Вот только в том, что уверенность его имеет под собой почву, Анна очень сильно сомневалась, потому что понимала, поломанную ось так просто не починишь.

– Сколько у нас осталось? – спросила, спрыгивая на землю следом за извозчиком и отмахиваясь веткой от ненавистных комаров.

– До отправления поезда успеем, – успокоил Миша и добавил: – Я надеюсь. Эй, любезный! – Он похлопал склонившегося над колесом извозчика по плечу: – Как быстро ты починишь свою колымагу?

– А скоренько! Вот сейчас прямо возьмусь чинить, барин!

– Как? – Анна, стояла, упершись кулаками в бока, разглядывала повреждение, которое, на ее скромный взгляд, починить в походных условиях не представлялось никакой возможности.

– А с божьей помощью, барышня! – Мужичок зыркнул на нее с явным неодобрением. – С божьей помощью!

Где-то высоко в небе громыхнуло. Флегматичная Ласточка обреченно мотнула головой и потянулась губами к Аниной ладони. Извлеченный из корзинки Ксюшин пирожок пришелся лошадке по вкусу. Съев угощение, она снова вздохнула и устало прикрыла глаза. На возню людей она не обращала никакого внимания, вынужденная передышка ее весьма устраивала. А вот Анна переживала все сильнее. Заминка в пути означала только одно: они рискуют опоздать на поезд и ждать следующий им придется, возможно, не один день. Последовав примеру Ласточки, она тоже съела пирожок. Ксюша любила повторять, что на голодный желудок решения всегда принимаются поспешные и неправильные. Вот только и на сытый желудок ничего хорошего не придумывалось. А небо тем временем затягивало тучами, неминуемо приближалась гроза.

– А сколько тут до ближайшей деревни? – Анна тронула извозчика за рукав.

Тот посмотрел на нее рассеянным взглядом, а потом ответил, но не ей, а Мише:

– Версты четыре будет.

– Может быть, пешком? – спросила она с надеждой. – А там найдем новый экипаж.

Извозчик обиженно засопел, а Миша многозначительно посмотрел на багаж. Не то чтобы у Анны с собой была целая пропасть вещей, в дорогу она взяла лишь самое необходимое, но этого «самого необходимого» вдруг оказалось неожиданно много.

Снова громыхнуло, на сей раз близко. Так близко, что Ласточка испуганно шарахнулась в сторону и чуть не сшибла Анну с ног.

– Осторожно! – Миша бросился к ней на помощь, попытался оттащить подальше от пролетки, в то время как извозчик обхватил лошадку за морду, зашептал что-то ласковое, успокаивающее.

– Все хорошо… – Ей была приятна забота Миши, но для объятий не время и не место. Гроза вот-вот начнется.

Гроза началась почти тут же. Первая капля дождя ударила Анну по носу, вторая, третья и бессчетная сыпанули на землю, прибивая дорожную пыль, вмиг превращая ее в грязное месиво. В одночасье стало темно, мокро и холодно. Старая липа, под которой они спрятались, от грозы не спасала. В ее ветвях стонал и буйствовал ветер, срывая и швыряя в людей мокрые листья и обломки веток. Привязанная к соседнему дереву лошадка металась и жалобно ржала. В наступившей вокруг темноте Анна могла видеть лишь ее беспокойный силуэт да бесполезную пролетку. Мужичок одновременно ругался и крестился, порывался выбежать из укрытия к лошадке, но ливень и ветер всякий раз загоняли его обратно. Дорожный костюм Анны почти мгновенно промок и вместо того, чтобы дарить тепло, теперь крал его остатки. От холода застучали зубы. Объятия Миши тоже не помогали. Наверное, оттого, что и сам он вымок до нитки. Он стоял молча, не пытаясь ни утешить, ни успокоить. Да и что ее утешать, когда совершенно очевидно, что затея их потерпела фиаско, на поезд уже не успеть! Лишь сердце его ухало громко, зло стучало о ребра. И этот отчаянный и одновременно беспомощный стук передавался Анне, вышибал из глаз злые слезы. Плакать можно было смело. Из-за грозы и ливня никто и не догадается, что она, графиня Шумилина, беспомощная плакса, не способная ничего сделать самостоятельно.

А гроза не собиралась стихать, наоборот, дождь и мгла, кажется, только усиливались. Наверное, из-за этой круговерти они не сразу заметили приближающийся экипаж. Просто с новой силой заржала и заметалась Ласточка, а потом к ее голосу присоединились еще два, более громких, и из пелены дождя вырвалась пара лошадей. Охнул извозчик и, тут же позабыв про страх, бросился спасать свою Ласточку, оказавшуюся на пути у черных как ночь, рослых жеребцов. Непонятно, кто оказался проворнее: он или правивший парой человек, но жеребцы встали как вкопанные, а грязь из-под их копыт окатила Анну и Мишу с ног до головы.

Воспитанные барышни не ругаются, это Анна усвоила с детства, но на сей раз не выдержала. Слова, за которые хулигана Веньку Ксюша непременно отходила бы

мокрым полотенцем, вырвались сами собой. Получилось витиевато и неожиданно громко. Наверное, из-за того, что в этот самый момент грозовые раскаты так некстати стихли.

Дверца экипажа тем временем приоткрылась, но тот, кто ее открыл, выходить под дождь не спешил, как не спешил он и уезжать. Анна кожей чувствовала, как ее изучают и разглядывают. Своей бедной, перепачканной в грязи кожей чувствовала! И злилась так, как не злилась даже тогда, когда поняла, что на поезд им с Мишей уже не успеть. Наверное, из-за злости и зрение ее, и слух обострились почти до животных пределов. А иначе, чем объяснить, что даже пелена дождя не помешала ей разглядеть руку в черной перчатке, которая сделала кучеру знак трогаться. Трогаться и оставить их грязных и беспомощных! Злость же сунула Анне в руку весьма увесистый булыжник и скорректировала траекторию его полета таким образом, чтобы булыжник достиг-таки цели.

Экипаж, уже тронувшийся было с места, снова остановился, вороные жеребцы в нетерпении забили копытами, но подчинились. А дверца вновь распахнулась, выпуская под колючие струи дождя темную тень. Тень была такой же стремительной и такой же нетерпеливой, как и жеребцы, перед Анной она возникла в мгновение ока.

– Ну, кому тут руки поотрывать? – спросила тень почти ласково голосом одновременно бархатным и стальным.

Мужичок-извозчик испуганно спрятался за ствол липы, а Миша вздохнул и шагнул вперед, прикрывая Анну своим телом от незнакомца.

– Прошу прощения. – Его голос звучал решительно и дрожал лишь самую малость, да и то не от страха, а от холода. – Случилось недоразумение…

– Недоразумение?..

Незнакомцу ненастье, кажется, нисколько не мешало. Он стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину. Капли дождя скатывались по его лицу, очерчивая высокие, почти азиатские скулы, пытались смягчить излишне жесткую линию подбородка, по жилистой шее стекали за ворот белой сорочки.

– Мы ехали на вокзал… наш поезд отбывает через три часа. Экипаж сломался… А тут еще эта гроза… – Миша говорил и пытался задвинуть Анну уже не просто себе за спину, но и вовсе за дерево.

– И в связи с этим прискорбным обстоятельством вы решили сломать и мой экипаж тоже? – В голосе незнакомца звучала угроза, которую он даже не пытался скрывать. – Вы швырнули камень. Ладно, экипаж, но вы могли попасть в одну из лошадей.

– Я попала именно туда, куда целилась! – Анна отмахнулась от рук Миши, мокрым рукавом отерла с лица грязь. Красоткой ей, конечно, после этого не стать, но и замарашкой выглядеть не хочется.

– Ты?.. – А он удивился, совершенно по-детски приподнял брови. Брови его казались особенно черными на фоне неожиданно светлых, почти белых волос. – Это сделала ты? – Теперь в голосе его слышалось едва ли не восхищение.

– Попрошу вас! Не «ты», а «вы»! – Миша сжал ее руку так крепко, что стало больно. – Вы разговариваете с дамой! – В отличие от незнакомца, чтобы его расслышали, Мише приходилось кричать. Так уж получалось.

– Никогда раньше не слыхал, чтобы дамы изъяснялись так витиевато и многозначительно.

– Это оттого, что ваш экипаж окатил нас грязью. – Анна едва удержалась от желания еще раз запустить в незнакомца камнем. На сей раз не в экипаж, а именно в него. Если бы получилось попасть в лоб, было бы просто замечательно!

– Говорите, вы опаздываете на поезд? – Пошлое любопытство вместо извинений! А что еще можно ожидать от человека, готового бросить ближнего в беде?!

– Уже и не надеемся, – за нее ответил Миша и руку сжал покрепче. А куда уж крепче, если и так больно? Руку Анна освободила и еще раз провела ладонью по лицу, пытаясь стереть грязь.

– В таком случае считайте, что вам повезло. Нам по пути.

Больше незнакомец не сказал ни слова, широким шагом направился к их пролетке, принялся отвязывать багаж. Миша, бросивший на Анну встревоженный взгляд, взялся ему помогать. Она же осталась стоять под проливным дождем, подставив горящее от злости лицо под холодные струи.

– Барышня, а что вы там стоите? – послышалось с козел. – Полезайте внутрь, а то еще простынете чего доброго. – Этот голос был сиплый, с трещинками.

– Так разрешения не получили-с… – проворчала она сердито. – Боюсь карету вашу грязью запачкать.

– Да бросьте вы глупости говорить! – Тот, кто сидел на козлах, явно усмехался. – Клим Андреевич, конечно, горячая голова, но чтобы даму в беде оставить, так ни-ни…

– Только что едва не оставил. Или вы забыли?

– А кто ж знал, что вы в беде? Стоите себе с мужем под деревцем, отдыхаете.

– Миша мне не… – Договорить Анна не успела, даже удивиться не успела, что оправдывается перед незнакомым мужиком.

– Не муж, вы хотели сказать… – Тот, кого кучер назвал Климом Андреевичем и горячей головой, вырос словно из-под земли. В руках он держал Анины чемоданы. – А что ж вы, барышня, путешествуете с посторонним мужчиной? Вы же, как я понял, особа совершенно особенная. Может быть, даже дворянских кровей, а тут такой моветон…

– Не ваше дело, с кем и как я путешествую!

На мгновение ей показалось, что горячая голова Клим Андреевич швырнет ее чемоданы прямо в грязь, заберется в экипаж и бросит их с Мишей на произвол судьбы, таким мрачным у него сделалось лицо. Но ничего страшного не случилось, наоборот, он улыбнулся этакой залихватской, бандитской какой-то ухмылкой и распахнул дверцу экипажа:

– Я закончу с багажом, а вы со своим… – он сделал многозначительную паузу, – спутником пока устраивайтесь поудобнее.

Устроиться поудобнее не получилось. Только снаружи экипаж казался большим, но внутри было тесно и сумрачно. Анна плюхнулась на обитую красным бархатом скамью и не без злорадства подумала, что бархат впитает влагу и сохнуть потом будет очень долго. Она и сама наверняка сохнуть будет очень долго. Одежда промокла насквозь, вода с нее стекала резвыми ручейками, и в мгновение ока на полу образовалась грязная лужица. Отворилась дверца, впуская внутрь Мишу, такого же растрепанного, грязного и несчастного.

– Повезло! – сказал он, пожалуй, излишне радостно и заглянул Анне в глаза. – Глядишь, еще и успеем.

Ответить Анна не успела, потому что дверца снова распахнулась. Их обидчик – или теперь уже спаситель? – уселся на скамью напротив, шумно, совершенно по-лошадиному вздохнул, а потом заорал во все горло:

– Митрич, трогай!

Жеребцы рванули с места так стремительно и так неожиданно, что Анну швырнуло вперед. Она бы непременно расшиблась, но, похоже, Клим Андреевич поднаторел в ловле падающих девиц. Хватка у него была крепкая и совершенно неделикатная. Прежде чем утвердиться на Аниной талии, широкая ладонь его сначала скользнула по ее груди и, кажется, даже задержалась там на долю секунды. Или ей всего лишь показалось, от неожиданности?

– Для дамочки, швыряющейся булыжниками, вы на удивление неловки. – Шею опалило горячее, с легким амбре недавно выпитого вина дыхание.

И ничего ей не показалось! Воспользовавшись ее беспомощностью, этот негодяй посмел ее лапать. Как дворовую девку… Нет, хуже! Не всякая дворовая девка позволила бы такое. Ей бы тоже не позволять, но Миша… Что-то подсказывало Анне, что в случае конфликта, победителем из схватки Мише не выйти. Он интеллигентный, умнейший человек, в этом его сила и его слабость. Совладать с этаким… хамом он не сможет. Только поэтому, вместо того чтобы отвесить негодяю пощечину, Анна ограничилась лишь весьма ощутимым тычком под ребра. Локти у нее были крепкие и острые, не всякие ребра выдержат встречу с

ними. Ребра Клима Андреевича выдержали, более того, он не издал ни единого звука, но объятия – слава тебе господи! – разжал. Благодаря грозе в экипаже царил полумрак, и Анна могла надеяться, что ее унижение останется незамеченным. По крайней мере Мишей.

– Зато вы излишне ловки, как я посмотрю! – Придерживаясь за дверцу, Анна вернулась на свое место, крепко сжала протянутую Мишей руку.

– Во всей этой суматохе я не представился. – В голосе незнакомца слышалось веселье пополам с издевкой. – Клим Андреевич Туманов. Для друзей можно просто Клим.

– Михаил Евсеевич Подольский. – Миша выпустил Анину ладонь, чтобы пожать протянутую руку.

– А как зовут барышню? – Клим Туманов состроил улыбку в равной степени светскую и похабную. Наверняка улыбка эта имела ошеломительный успех у дам полусвета, потому что дамы света на такое не позарятся.

Захотелось вдруг уязвить, ударить словом так же больно, как до этого локтем.

– Графиня Анна Федоровна Шумилина. – Получилось строго и церемонно, если бы еще зубы не стучали от холода, вышло бы и вовсе замечательно. А руку Туманову она не протянула. Много чести.

– Надо же, настоящая графиня! – сказал тот с восхищением, и она так и не поняла, было ли это искренним или наигранным. – Хорошо, что я не проехал мимо. А то как бы я потом себя чувствовал, если бы узнал, что мог спасти, но так и не спас саму графиню Шумилину!

Все-таки он издевался. И это было так же оскорбительно, как и его недавние поползновения. Щеки Анны полыхнули огнем, и кулаки она сжала с такой силой, что ногти больно впились в кожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Предупрежден – значит вооружен. (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/tatyana-korsakova/proklyatoe-nasledstvo

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить